

Faculteit Letteren & Wijsbegeerte

Charlotte Bollaert

***Советская судьба французских
экзистенциалистов:
Анализ восприятия переводов произведений Жан-
Поля Сартра и Альбера Камю***

Masterproef voorgedragen tot het behalen van de graad van

Master in het Vertalen

2014

Promotor prof. dr. Piet Van Poucke

Vakgroep Vertalen Tolken Communicatie

«Un port est un séjour charmant pour une âme fatiguée des luttes de la vie. L'ampleur du ciel, l'architecture mobile des nuages, les colorations changeantes de la mer, le scintillement des phares, sont un prisme merveilleusement propre à amuser les yeux sans jamais les lasser. Les formes élancées des navires, au gréement compliqué, auxquels la houle imprime des oscillations harmonieuses, servent à entretenir dans l'âme le goût du rythme et de la beauté. Et puis, surtout, il y a une sorte de plaisir mystérieux et aristocratique pour celui qui n'a plus ni curiosité ni ambition, à contempler, couché dans le belvédère ou accoudé sur le môle, tous ces mouvements de ceux qui partent et de ceux qui reviennent, de ceux qui ont encore la force de vouloir, le désir de voyager ou de s'enrichir.» (Charles Baudelaire 1997: 72)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Совсем недавно, год назад, и в то же время, кажется, десять «мысленных» лет назад, я написала курсовую работу о «Русской судьбе десяти французских авторов в период 1979-2011». С самого начала, я очень заинтересовалась этой темой, и когда в своей работе я пришла к выводу, что среди других Сартр и Камю в последние годы СССР почти не переводились, это у меня вызвало непонимание и любопытство. На мой взгляд, «у нас», «на Западе» - если говорить стереотипами - Сартр и Камю считаются социалистическими авторами, представителями послевоенного французского левого движения, и исходя из этого, я ожидала, что два автора, являющиеся «социалистами», будут довольно популярны в СССР. Вопреки моим ожиданиям, это оказалось совсем не так. И, таким образом, в процессе написания своего «первого исследования», я определилась с темой «следующей», с темой данной работы.

Тема восприятия Сартра и Камю в СССР оказалась в то же время и сложной, и интересной; на протяжении последних месяцев она занимала почти все мои мысли. Однако, после написания данной работы, меня охватывает странное чувство. Я чувствую себя как человек, который знает, что он что-то забыл; как будто данная работа на самом деле еще не совсем готова. Наверное, это не просто чувство и она действительно еще не готова, как недоношенный ребенок, которого заставляют увидеть свет слишком рано. Однако мне ничего не остается, как только смириться с той мыслью, что ничего совершенного и абсолютного не бывает; также как и любое предложение может стать бесконечным, если не поставить в нем точку. И у меня, и у Вас, останется много вопросов, но я надеюсь, что Вы, как и я, пока сможете с этим смириться.

И, наконец, самое важное. Всем, кто помог, поддержал или окружил меня, в процессе написания данной работы или просто в повседневной жизни - от всей души огромное спасибо. Особую благодарность я хочу выразить своему научному руководителю, Питу Ван Пуке, который неумоимо отвечал на мои вопросы, направлял мои мысли в верное русло, и таким образом, наверное, спасал меня от темных лесов французского экзистенциализма. Я также выражаю свою признательность Лидии Руре за нелегкий труд по прочтению моей работы. Кроме того, я также хотела бы поблагодарить свою бабушку, за то, что и в этом году, и всю мою жизнь она безоговорочно поддерживала меня в самую трудную минуту.

С.В.

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА.....	9
1 ВВЕДЕНИЕ.....	11
2 ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ	12
2.1 Общее определение «экзистенциализма»	12
2.2 Французский «экзистенциализм»	15
2.2.1 Общий контекст	15
2.2.1.1 Жизнь и философия Жан-Поля Сартра.....	16
2.2.1.2 Жизнь и философия Альбера Камю	19
3 ИССЛЕДОВАНИЕ	23
3.1 Изложение проблемы и гипотезы	23
3.2 Теоретическая основа.....	24
3.3 Сбор данных.....	26
3.4 Контекстуализация	28
3.4.1 Переводческая деятельность в СССР.....	28
3.4.2 Отношение к философии.....	31
4 ПЕРЕВОДЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СССР	33
4.1 Сартр в СССР	33
4.1.1 Общее восприятие.....	33
4.1.2 Переводы Сартра.....	36
4.1.2.1 Переводы пятидесятых годов.....	37
4.1.2.2 Переводы шестидесятых и семидесятых годов.....	40
4.1.2.3 Переводы с восьмидесятых годов до распада СССР	42
4.1.3 Краткие выводы	43
4.2 Камю в СССР	45
4.2.1 Общее восприятие.....	45
4.2.2 Переводы Камю.....	48
4.2.2.1 Ранние переводы	49
4.2.2.2 Переводы перестроечного времени	54
4.2.3 Краткие выводы	59
4.3 Сравнительное обсуждение.....	60
4.4 Издательства	63

4.5 Нормы	68
5 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	70
6 БИБЛИОГРАФИЯ.....	73
6.1 Список литературы.....	73
6.2 Список экспертов.....	77

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Так как существует значительное количество изданий произведений Сартра и Камю, в целях обеспечения согласованности, в данном разделе мы предоставляем читателю список, состоящий из названий французских оригиналов и соответствующих русских переводов, используемых в тексте данной работы. В список включены не все произведения Ж.-П. Сартра и А. Камю, а только те, которые встречаются в данной работе. Упомянутые годы соответствуют годам публикации оригиналов во Франции.

Жан-Поль Сартр

1938	La nausée	Тошнота
1939	Le mur	Стена
1943	L'être et le néant	Бытие и ничто
1943	Les mouches	Мухи
1944	Huis clos	За закрытой дверью
1946	L'existentialisme est un humanisme	Экзистенциализм – это гуманизм
1946	La putain respectueuse	Лиззи
1946	Morts sans sépulture	Мертвые без погребения
1948	Les mains sales	Грязными руками
1951	Le diable et le bon dieu	Дьявол и Господь Бог
1956	Nekrassov	Только правда (Некрасов)
1959	Les séquestrés d'Altona	Затворники Алтоны
1960	Critique de la raison dialectique	Критика диалектического разума
1963	Les mots	Слова
1971	L'idiote de la famille : Gustave Flaubert de 1821 à 1857	Идиот в семье: Гюстав Флобер от 1821 до 1857

Альбер Камю

1936	Révolte dans les Asturies	Восстание в Астурии
1937	L'envers et l'endroit	Изнанка и лицо
1939	Noces	Брачный пир

	Noces à Tipasa Le vent de Djémila	Бракосочетание в Типасе Ветер в Джемила
1939	La mort heureuse	Счастливая смерть
1942	Le mythe de Sysiphe Kirilov L'espoir et l'absurde dans l'oeuvre de Franz Kafka	Миф о Сизифе Кириллов Надежда и абсурд в творчестве Франца Кафки
1942	L'étranger	Посторонний
1944	Caligula	Калигула
1944	Le malentendu	Недоразумение
1945	Lettre à un ami Allemand	Письма к немецкому другу
1947	La peste	Чума
1948	L'état de siège	Осадное положение
1950	Les justes	Праведники
1951	L'homme révolté	Бунтующий человек
1953	Actuelles II Création et liberté	Злободневные заметки 1948-1953 Творчество и свобода
1954	L'été Retour à Tipasa Les amandiers Pométhée aux enfers L'exil d'Hélène Petit guide pour les villes sans passé	Лето Возвращение в Типаса Миндальные рощи Прометей в аду Изгнанничество Елены Краткий путеводитель по городам без прошлого
1956	La chute	Падение
1957	L'exil et le royaume La femme adultère Les muets Jonas ou l'artiste au travail	Изгнание и царство Неверная жена Молчание Иона, или художник за работой
1958	Discours de Suède	Шведские речи
1994	Le premier homme	Первый человек

1 ВВЕДЕНИЕ

Советская история является уникальным случаем долгосрочного общественного эксперимента по строительству организационной и управленческой структуры, призванной радикально модифицировать поведение человека. Этот эксперимент имел как репрессивную, так и конструктивную часть. (Глущенко & Куренный 2013: 12)

Как видно из вышеприведенной цитаты, советское время являлось довольно своеобразным периодом в российской истории. Все началось с «октябрьского путча» 1917-го года, когда страна перешла от монархии к социалистической республике, а через пять лет после этого уже образовался Советский Союз. Вскоре Россия стала централизованным государством и была введена плановая экономика. Все области, в том числе и культура, попали в руки государства и, таким образом, стали проникаться коммунистической идеологией (Detrez 2008: *passim*). На протяжении советского периода политические настроения, в зависимости от разных факторов, являлись переменными: периоды политической и идеологической терпимости чередовались с периодами постепенного преследования инакомыслящих (Friedberg 1997: 16).

В данной работе исследуется на основе переводов, каково было восприятие французских экзистенциалистов Ж.-П. Сартра и А. Камю в вышеизложенном контексте, т. е. в России на протяжении советского времени. Предполагается, что существуют разные типы факторов, определивших и повлиявших на перевод и восприятие двух авторов в России в исследованный период. С одной стороны, полагается, что эти факторы могут быть связанными либо с произведением, его содержанием и жанром, либо с самим автором. С другой стороны, причинные факторы могут быть «внешними», например, исторические события, культурные, общественные или идеологические особенности русской действительности того времени. Также можно ожидать, что судьба французских экзистенциалистов в Советском Союзе была двойственной. С одной стороны, экзистенциализм до значительной степени отстаивает те же самые атеистические, социальные и социалистические ценности, как и коммунизм; с другой стороны, он противоположен коммунизму во внимании, которое уделяется индивиду.

Сначала в данной работе дается общее определение «экзистенциализма» и рассматриваются жизни и философские размышления Сартра и Камю, так как необходимо иметь общее представление, как о концептах, так и о творчестве и

мировоззрении авторов, играющих центральную роль в данном исследовании. После этого, описывается теоретическая основа данной работы, от полисистемной теории Even-Zohar к нормам Toury. До перехода к фактическому исследованию, также излагается, каким образом были собраны переводы двух авторов на русский язык. В последующих пунктах, в рамках полисистемной теории, в которой подчеркивается существенная роль целевого контекста, в виде контекстуализации рассматриваются роль и место переведенной литературы, равно как и отношение к философии в СССР.

После этого теоретического раздела, обсуждается восприятие переведенных текстов Сартра и Камю в советское время. Сами тексты переводов не рассматриваются, так как в данной работе применяется дескриптивный подход, рассматривающий внутритекстуальные элементы оригинала, переводческую, литературную и издательскую действительность, а также любые дополнительные источники о восприятии двух авторов в Советском Союзе. Кроме того, каждый перевод будет рассмотрен с учетом политических обстоятельств, в которых он возник.

В виде заключения, хотелось бы отметить, что данная работа только является скромной попыткой затронуть и сделать более доступной эту до сих пор мало исследованную тему.

2 ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

2.1 Общее определение «экзистенциализма»

В данной работе первоначально обращается внимание на общее определение и представление «экзистенциализма». Необходимо иметь общую идею и понятие концептов, играющих центральную роль в данной работе. Однако в процессе поиска информации вскоре выяснилось отсутствие точного и однозначного определения «экзистенциализма» в существующем корпусе работ, рассматривающих эту тему. Более того, Craib (1976: 1) пишет о том, что «экзистенциализм» славится его неопределимым характером. В абзацах ниже автор данной работы сначала пытается выяснить причину отсутствия однозначного определения, после чего мы пытаемся дать общее представление концепта, понятия, идеи «экзистенциализма» на основе информации, найденной в разных источниках.

Согласно Dufrenne (1965: 51), отсутствие единого, точного определения «экзистенциализма» может быть связано не только с существованием нескольких вариантов «экзистенциализма», но и с существованием разных «экзистенциалистов». Dufrenne утверждает, что каждый автор, принадлежащий к данному «течению», имеет свой собственный подход к определению понятия «экзистенциализма». Другими словами, определений «экзистенциализма» существуют столько же, сколько и экзистенциалистов (Foulquié 1949: 35). Kaufmann (2004: 11) идет дальше в своем толковании и пишет, что «экзистенциализм» на самом деле даже не является философией или школой мысли, а является просто названием, «этикеткой» для собрания индивидуальных и различных бунтов против традиционной философии. Дальше, он отмечает, что три наиболее ярких представителя данного течения (Ясперс, Хайдеггер и Сартр) даже не согласны с основными принципами «экзистенциализма». Кроме того, он добавляет, что из авторов, которые считались «экзистенциалистами» в свое время, некоторые не хотели быть ассоциированными с «экзистенциализмом» и сами себя не считали «экзистенциалистами» (Ibid.).

Несмотря на то, что, по-видимому, единого определения «экзистенциализма» как такового не существует, и что в результате оказывается достаточно трудным определить и разграничить его, в то же время невозможно не принять существования явления «экзистенциализма». Многие известные «экзистенциалистские» авторы, которые, с одной стороны, очевидно, отличаются своей неприязнью самого «экзистенциализма» и различаются между собой, могут, с другой стороны, ассоциироваться друг с другом в том смысле, что, все-таки, можно отметить несколько общих принципов и идей в их работах.

Copleston (1948: 20) отмечает, что, несмотря на трудности определения «экзистенциализма», можно проследить общие мысли разных «экзистенциалистских» авторов. По его мнению (1948: 21), они все, тем или иным путем, отказываются от всех форм «тоталитарной» философии, где «тоталитарный» рассматривается как вид философии, отрицающий и ограничивающий идею свободы индивида, являющимся самотрансцендентным субъектом¹ и центральным элементом его собственного опыта и бытия. Другими словами, экзистенциалисты рассматривают индивида и человека, как свободного, самопроизвольного и самотрансцендентного субъекта, центральной идеей

¹ Самотрансцендентный субъект в нашем понимании обозначает тот субъект, который постоянно преодолевает границы и ограничения его собственного бытия и опыта.

философии. Таким образом, экзистенциализм можно рассматривать как бунт против любой формы философии, которая ограничивает свободу индивида и рассматривает его лишь как элемент физического космоса; т. е. против позитивизма, абсолютистского идеализма, материалистического и психологического детерминизма (Copleston 1948: 22). В то же время, Coates (1953: 234) указывает, что даже если экзистенциалисты выступают против идеализма и подобных течений, они согласны с эмпириками, касаясь признания важности реальных фактов. Для них, как и для эмпириков, любая система, где нет постоянного фактического (т. е. с помощью фактов) контроля теоретизирований, спекуляция является формально необоснованной. Однако тогда как эмпирики и наука только занимаются объективным миром, «экзистенциализм», учитывая все установленное научное знание, идет дальше и занимается частью мира, которой наука не рассматривает: мир личного существования, этических и эстетических ценностей (Ibid.). Этот мир, или часть мира, объективно анализировать и наблюдать невозможно, он должен и может быть открыт только через участие в жизни субъекта (Ibid.), и в этом, наверное, суть этого неопределимого экзистенциализма; во внимании к личному существованию и его этическим интересам. Кратко резюмируя изложенное выше, Kaufmann (2004: 12) описывает сходство среди «экзистенциалистов» следующим образом:

The refusal to belong to any school of thought, the repudiation of the adequacy of any body of beliefs whatever, and especially of systems, and a marked dissatisfaction with traditional philosophy as superficial, academic, and remote from life – that is the heart of existentialism.

В заключение можно сделать вывод, что, несмотря на разные взгляды и многие различия среди «экзистенциалистов» и «экзистенциализмов», существуют некоторые общие тенденции, которые соответствуют общему определению «экзистенциализма», представленному в словаре Le Grand Robert «Mise en relief de l'importance philosophique qu'a l'existence individuelle, avec ses caractères irréductibles». Тем не менее, как мы выяснили выше, не существует ничего, что можно было бы назвать «Экзистенциализмом» и, так как серьезная работа не может основаться только на общих и неоднозначных тенденциях, нам приходится в следующих пунктах сконцентрироваться только на понимании понятия «экзистенциализм» французскими философами, в частности на Ж.-П. Сартра и А. Камю, так как они и их философия являются центральными в данной работе.

2.2 Французский «экзистенциализм»

2.2.1 Общий контекст

Французский «экзистенциализм» как философское и идейное «течение» появилось во Франции уже во время военных действий и оккупации в 40-х годах XX-го века (Шашков s.d.: 53). В военном климате испытывался страх, который позже стал общей темой сторонников «экзистенциалистского» периода (L'Encyclopédie Larousse). Сразу после освобождения Франции «экзистенциализм» стал распространяться в популярных и интеллектуальных кругах Парижа, он стал не только модной философией, но и образом жизни. Его воспринимали как давно ожидаемое послание, он отвечал «потребности найти новое основание существования человека, не веря более ни в бога, ни в человеческую природу» (Нудельман 2005). Французский «экзистенциализм» – это атеистический «экзистенциализм», где нет бога, нет верхней сущности, и где индивид действует как центр существования (Toussaint 2009).

Такие выдающиеся представители французского движения как Ж.-П. Сартр и А. Камю (L'Encyclopédie Larousse), верили в то, что писатель должен быть ангажированным (Toussaint 2009). После войны они сами ощутили моральную потребность в восстановлении разрушенного; они пытались «извлечь идею человека из-под развалин разрушенной человечности (...) через отрицание бесчеловечности» (Нудельман 2005). Французский «экзистенциализм» в то время уделял особое внимание конкретным ситуациям (человеку и своей повседневной жизни) и человеческим эмоциональным состояниям (напр. одиночество, страх, абсурд): самым важным считалось существование, присутствие индивида на свете (Toussaint 2009).

Для широкой публики того времени «экзистенциализм» можно было описать одним высказыванием, принадлежащим Сартру, а именно : «существование предшествует сущности», которая основывается на идее свободы, на принципе, что судьба определена нашим выбором, а не какой-то верхней или подавляющей силой (Toussaint 2009). В этом также проявляется эта центральная идея ангажированности: в свободе выбора, в отказе от детерминизма, в обязанности к ответственности.

Также типичным для французского «экзистенциализма» является косвенное выражение мысли: отсутствие четких тезисов и систем, философия и идеи выражены в виде фиктивных романов, драм, дневников, и так далее (Foulquié 1949: 34). По мнению De

Beauvoir (1948: 119), это явление связанное с тем, что если описание сущности принадлежит к ряду предметов, которые могут быть обсуждены только в философии, то тогда описать существование в своей действительности, а не в возможности или в представлении, возможно только с помощью альтернативных средств, таких как фиктивные романы, пьесы, и т.д.

Таким образом, в дальнейшем, опираясь на вышеприведенные точки зрения, не стоит трактовать французский «экзистенциализм» как существование только одного «французского экзистенциализма», где идеи и подходы разных авторов не отличаются друг от друга. Spielberg (1954: 446) в свое время уже заметил: «French existentialism is not all of one piece». Однако, имея уже общую идею о том, что такое «экзистенциализм», как и когда, возник «французский экзистенциализм» и на что он похож, можно в нижеприведенных пунктах попытаться подробнее рассмотреть жизни и философии экзистенциалистов Ж.-П. Сартра и А. Камю.

2.2.1.1 Жизнь и философия Жан-Поля Сартра

Жан-Поль Сартр является французским писателем, журналистом, публицистом и считается одним из самых известных философов XX-го века. В некоторой степени его даже считают отцом «экзистенциалистского» течения (Flynn 2011).

Сартр родился в 1905-м году в Париже. Когда ему было немногим более года, отец умер, оставив супругу и маленького сына. Мать Сартра решила вернуться в родительский дом, где Сартр в окружении деда, бабки и мамы прожил довольно счастливое и беззаботное детство (L'Encyclopédie Larousse). Несмотря на это, фигура умершего отца сыграла символическую роль в его произведениях (Юровская 2006: 11). После замужества матери в 1917-м году, Сартр был вынужден с новой семьей переехать в Ля Рошель, где он оставался до 1920-го года. Этот период он сам называл самым плохим в своей жизни (Юровская 2006: 12). После этого, Сартр вернулся в Париж, окончил лицей и в 1924-м году поступил в Эколь Нормаль, где он познакомился с Симон Де Бовуар, ставшая его спутницей жизни. После окончания Эколь Нормаль, с 1931-го до 1945-го года он занимал должность преподавателя философии в лицеях Гавра. Его карьера была прервана два раза; первый раз когда в течение года он стажировался во Французском институте в Берлине, где он стал

изучать феноменологию Гуссерля, которая сыграла важную роль в его будущей философии. Второй раз в 1939-м году, когда его отправили в армию и где в 1940-м году он попал в лагерь для военнопленных, откуда был освобожден через год (Encyclopedia Britannica).

В 1938 он написал свой первый шедевр «Тошнота», в котором в контексте появления фашизма в Европе, Сартр заявляет о «неантизации» человека (L'Encyclopédie Larousse). В этой пессимистичной, индивидуальной и антисоциальной работе можно увидеть уже центральные философские мотивы поздней сартровской мысли, такие как борьба с действительностью или страхом, тошнотворным и вызывающим отвращение к существованию (Encyclopedia Britannica). Политическая ангажированность Сартра появлялась после войны, но она уже проявлялась в «Бытии и Ничто» (1943), являющимся самым значительным в его философских трудах, где он доказывает, что существование человека предшествует его сущности и показывает, что действительно существует свобода воли. Эту характерную свободу для работы Сартра он долго считал беспричинной и бесцельной, однако в его статье 1946-го года «Экзистенциализм – это гуманизм» она приобретает новый характер; для Сартра после войны свобода ассоциируется с социальными обязанностями; для него свобода имплицитно ангажированную должность писателя. С того времени сочинения Сартра всегда имели какое-то этическое содержание (Encyclopedia Britannica).

Также начиная с 40-х годов, Сартр по большей части обратился к театру, потому что, по его мнению, писатель должен быть способен показать и описать как можно больше качеств человеческого рода, а наиболее ярко человек проявляет себя в действии, что и изображается на театральной сцене (Encyclopedia Britannica).

После войны в 1945-м году он основал журнал «Новые Времена» («Les Temps Modernes»), который стал ведущим журналом французской послевоенной интеллигенции, и куда он пригласил своего друга, Камю. Однако с 1947-го года отношения между двумя авторами ухудшились из-за их различных политических взглядов. Оба автора в то время являлись левыми интеллектуалами, однако они имели совсем другую точку зрения по отношению к существовавшей ситуации в СССР; Камю выступал против сталинских лагерей, Сартр продолжал защищать коммунистов и СССР неоднократно посетил. Когда в 1952-м году в «Новые Времена» была опубликована очень острая критика против эссе Камю «Бунтующий человек», и дружбе

двух авторов был положен конец. Сартр и Камю после этого больше не мирились друг с другом, даже когда Сартр в 1956-м году, после ввода советских войск в Будапешт, также все больше стал критически относиться к коммунистической партии (Encyclopedia Britannica; L'Encyclopédie Larousse).

Через несколько лет, это критическое отношение к советскому коммунизму превратилось в форму «сартровского социализма», выражение которого можно найти в философском произведении «Критика диалектического разума» (1960), в котором он анализировал диалектику Маркса, отмечая, что она в своей советской форме не является пригодной для жизни (Encyclopedia Britannica). Несмотря на то, что Сартр верил и продолжал верить, что марксизм является единственной приемлемой философией современных времен и рассматривал свой собственный экзистенциализм лишь как идеологический момент в марксизме (Crowell 2010), он также осознал, что существующий тогда марксизм отказался от обещаний, сделанных Марксом, касающихся диалектического подхода к социальной действительности (Ibid.). Марксизм того времени, по мнению Сартра, был костным и неподвижным и подогнанным под общее вместо того, чтобы ориентироваться на частное (Encyclopedia Britannica). По мнению Сартра, марксизм, несмотря на свои фундаментальные принципы, должен был осознать свободу индивида и лучше учитывать переменные конкретные ситуации, действительность (Encyclopedia Britannica). В «Критике диалектического разума» Сартр сделал попытку восстановить марксизм, в который он верил, переосмысляя концепты Маркса экзистенциалистским образом (Crowell 2010).

В 1963-м году Сартр написал свою автобиографию «Слова», в которой он показывает читателю, миру, как «слова» спасали ребенка, маленького Сартра от пагубной жизни, и как бесчисленные страницы, написанные им, были формой эскапизма и самоспасения от этой жизни и от этого мира, которые его всегда отвергали, не приняли, и которые он, в свою очередь, решил перестроить по своему собственному образцу и согласно своим порядкам (Encyclopedia Britannica). За эту книгу Сартр был награжден нобелевской премией по литературе, от которой он отказался по причинам, излагаемым ниже (1964):

В основе этой позиции лежит мое представление о труде писателя. Писатель, занявший определенную позицию в политической, социальной или культурной области, должен действовать с помощью лишь тех средств, которые принадлежат только ему, то есть печатного слова. Всевозможные знаки отличия подвергают его читателей давлению, которое я считаю нежелательным.

В семидесятых годах Сартр завершил свое последнее значительное произведение, а именно трехтомную монографию о Гюставе Флобере. После этого Сартр по большей части бросил письменную работу, чтобы выйти на улицу, чтобы защищать цели и принципы, которым он всю жизнь посвящал себя. Однако к концу семидесятых годов Сартр заболел и в дальнейшем ослеп, его здоровье сильно ухудшилось, и в 1980-м году он умер от рака легких в Париже (Encyclopedia Britannica).

В заключении можно добавить, что Сартр на протяжении своей жизни написал намного больше работ, чем было упомянуто выше. Он писал не только романы, пьесы, но и эссе, статьи, рецензии и пр. Его библиография является до такой степени значительной, что его иногда называют «автором-библиотекой». Сартр был тем, кем он так детально описал в своем романе «Слова», он был человеком слова (L'Encyclopédie Larousse).

2.2.1.2 Жизнь и философия Альбера Камю

Альбер Камю – французский романист, эссеист, драматург и журналист, он родился в 1913-м году в Алжире, где он провел молодость. Отец погиб на фронте во время Первой мировой войны, когда Камю был еще маленьким ребенком. Он вырос с мамой, братом и бабушкой в маленькой квартире в городе Алжира (East 1984: 9). Они жили в бедности, и этот опыт повлиял на его дальнейшие работы. Камю с самого детства был прилежным и талантливым учеником, а потом и студентом. В 1923-м году Камю удалось поступить в лицей, после чего он поступил в Алжирский университет, чтобы изучать философию. Там он познакомился с Жаном Гренье, который помогал Камю развивать свои философские и литературные идеи и таким образом, оказал значительное влияние на его работы (Encyclopedia Britannica). В 1934-35-х годах он был членом Французской Коммунистической Партии в Алжире, однако он дистанцировался от партии после подписания Франко-советского пакта между Сталином и Лавалем (L'Encyclopédie Larousse). После этого он совсем отказался от коммунистического движения, и в частности от советского коммунизма, который он считал результатом утопической философии, которая безуспешно, и даже иррационалистическим образом пыталась решить безответные вопросы из-за неспособности признать, что мир и жизнь в своей сущности являются абсурдными (Aronson: 2011).

В 1937-м году он создал Алжирский Дом Культуры и театральную труппу «Театр Труда» (Théâtre du travail), где вместе с друзьями организовал постановку антифашистской драмы «Восстание в Астурии», делая, таким образом, первый шаг к ангажированности. Эта пьеса была запрещена, и, действительно, начиная с того времени, произведения Камю всегда имели какое-то политическое или философское содержание, ангажированность стала характерной как для его работы так и для Камю как человека (L'Encyclopédie Larousse). В 1937-м году был опубликован сборник эссе «Изнанка и лицо», где Камю описывает жизненные условия его молодости, связывая их с портретами матери, бабушки, а также города Алжира. Через год после этого был опубликован второй сборник эссе («Брачный пир»), где лирически описывается природная красота и богатство алжирской провинции, которая продолжала играть роль в его произведениях. В обоих сборниках также чувствуется хрупкая смертность человечества по отношению к вечности физического мира (Encyclopedia Britannica). Кроме этого основными темами у Камю уже в то время и позже являлись изоляция человека в чужом мире, отчуждение индивида от самого себя, проблема зла, нестерпимая окончательность смерти; все темы касаются существования и бытия индивида, показывающие внутреннее отчуждение и разочарование послевоенного интеллектуала (Encyclopedia Britannica).

В 1938-м году Камю стал журналистом газеты «Альже Републикен» (Alger R publicain), в тот же год он стал редактором журнала «Побережье» (Rivages), целью которого было показать оптимистическую и живую средиземноморскую культуру в отличие от пессимистической западной культуры (L'Encyclop die Larousse). В этот период Камю все больше сталкивался с трудностями цензуры и, наконец, был вынужден уехать в Париж (Ibid.). В 1942-м году он закончил два труда, эссе «Миф о Сизифе»² и роман «Посторонний». Его роман, как все его произведения, во многих образах является многослойным: на первом плане это рассказ о преступлении и наказании человека; на втором плане речь идет о психологическом развитии этого

² Камю сам разделял свое творчество на три цикла, соответствующих трем главным этапам ход мыслей его философии. Первым циклом является «Цикл Абсурда», который состоит из произведений «Миф о Сизифе» (1942), «Посторонний» (1942), «Калигула» (1944) и «Недоразумение» (1944). Вторым является «Цикл Бунта» к которому относятся произведения «Чума» (1947), «Осадное Положение» (1948), «Праведники» (1950) и «Бунтующий человек» (1951). Третьим, менее значительным из трех циклов, является «Цикл Любви», состоящий из «Падение» (1956), «Изгнание и царство» (1957) и «Первый человек» (неоконченный и посмертно опубликован в 1994) (Montgomery 2008: 132; Toussaint 2009).

персонажа; на третьем плане мы увидим поэтапное осознание Абсурда³, которое в конце ведет к Бунту индивида и к превосходству над условиями существования обычного человека (Ibid.).

Во время войны Камю участвовал в сопротивлении и был членом подпольной группы «Комба» (Combat). Он верил в то, что писатель должен бороться за свои идеалы, он верил в истину, в справедливость и в идею, что любое политическое решение должно иметь моральное обоснование (L'Encyclopédie Larousse). Во второй половине сороковых годов Камю заболел, потеряв свой энтузиазм, все же в этот период он написал две пьесы : «Калигула» и «Праведники», которые имели успех, однако когда в 1951-м году было опубликовано эссе «Бунтующий человек», ему сопутствовала долгая и неприятная полемика (Ibid.). «Бунтующий человек» и ранее написанный «Миф о Сизифе» являются двумя основными идейными работами Камю. В этих сборниках он излагает свою «философию» в нескольких пунктах, от отсутствия Бога до Бунта. Он объясняет, что из-за присутствия зла и несправедливости на свете, человек вынужден обратиться к агностицизму; все на свете доказывает то, что Бог не существует, а если Бога действительно нет, то это только может привести к Абсурду. Это чувство Абсурда рождается из-за столкновения между миром и человеком, Абсурд ни в мире, и ни в человеке, он в их конфронтации. Осознание Абсурда только является началом, оно позволяет человеку найти суть и смысл жизни, понять, что существование и бытие ни чему не подвергаются, и это осознание Абсурда в свою очередь неизбежно вызывает Бунт (Ibid.).

В пятидесятых годах Камю внимательно следил за политической жизнью во Франции и во всей Европе; в то время, он был одним из редких левых интеллектуалов, который выразил свое несогласие с поступками советских властей. В 1956-м году он выступал за мирное решение алжирской войны, но в конце концов это плохо отразилось на нем, он понял, что терроризм и репрессии были слишком распространены в стране, и что не было другого пути, кроме как военного (L'Encyclopédie Larousse). В тот же самый год была опубликована его пессимистическая повесть «Падение» и через год после этого он стал лауреатом Нобелевской премии по литературе «за огромный вклад в

³ Абсурд и Бунт в данной работе пишутся большими буквами, так как эти два термина, являющиеся центральными концептами и понятиями в философии Камю, здесь имеют своеобразное значение, кратко контекстуализированное в выше- и нижеприведенном.

литературу, высветивший значение человеческой совести» (Краснов 2004: 764). В 1960-м году Камю погиб в автомобильной катастрофе.

Камю в свое время и до сегодняшнего дня больше ассоциируется с Сартром и рассматривается как выдающийся представитель экзистенциалистского течения, несмотря на то, что сам он считал себя ни философом, ни экзистенциалистом (Aronson: 2011).

Философом он не мог быть, так как он отказался от любого системного подхода и, следовательно, также от философии (Aronson: 2011). Что касается экзистенциализма, ситуация более неоднозначная. Если рассматривать работу Камю, то можно без сомнения утверждать, что он принадлежит к одному из проявлений экзистенциалистского течения, хотя все же Камю сам часто выражался против этого экзистенциализма и всегда подчеркивал, что экзистенциалистом не был (Ibid.). По его мнению, основание его теории и теории других экзистенциалистов, таких как Шестов, Кьеркегор, Ясперс или Сартр, заключалось в том же, т.е. абсурдность человеческого существования. Тем не менее, он считал, что каждый из них пытался решить эту проблему эскапистским и иррациональным образом, ища вопрос вне человеческого существования и обращаясь к трансцендентному. Такой подход Камю считал ложным; по его мнению, суть жизни и существования состоит не в решении проблемы, а в признании Абсурда (Ibid.).

Таким образом, можно заключить, что у Камю, как и у всех экзистенциалистов, был свой собственный подход к решению экзистенциалистских вопросов. Однако, несмотря на то, что он во многом отличался от своих современников, в данной работе, учитывая его личные характеристики, он будет считаться экзистенциалистом потому, что, как было указано выше, единого точного определения экзистенциализма нет, и у Камю, как у Сартра и других экзистенциалистов, внимание к существованию до такой степени фундаментальное, что он не может не считаться философом существования, то есть экзистенциалистом.

3 ИССЛЕДОВАНИЕ

3.1 Изложение проблемы и гипотезы

Как было отмечено выше, в данной работе на основе переводов рассматривается восприятие и русская судьба французских экзистенциалистов Ж.-П. Сартра и А. Камю в советское время. Восприятие здесь используется в значении рецептивной эстетики Jauss, где особое внимание уделяется читателям и его «горизонту ожидания», на который влияют разные литературные и внелитературные факторы, такие как социальные, политические и этические представления (Ning 2013: 114). Такой читатель может быть отдельным человеком, но, в данной работе он представляет собой коллектив.

В рамках теорий, излагаемых в следующем пункте, мы будем пытаться выяснить, какими являлись роль и место переводов двух авторов в России в исследованный период и какими факторами, нормами и элементами были определены их перевод и их восприятие. Предполагается, что существуют разные типы факторов, определивших и повлиявших на перевод, восприятие и судьбу Сартра и Камю в России в исследованный период. С одной стороны, полагается, что эти факторы могут быть связанными либо с произведением, его содержанием и жанром, либо с самим автором; с другой стороны, причинные факторы могут быть «внешними», например, исторические события, культурные, общественные или идеологические особенности русской действительности того времени. Можно предположить, что, скорее всего, «внутренние» и «внешние» факторы на самом деле являются взаимосвязанными, так как перевод здесь не рассматривается как изолированное явление, но как составная часть русского быта.

Также ожидается, что полученные результаты покажут не только, каково было восприятие двух авторов, но и какое было отношение к (французскому) экзистенциализму в общем. Уже до рассмотрения результатов можно исходить из того, что судьба французского экзистенциализма в советской России являлась двойственной. С одной стороны, экзистенциализм до значительной степени отстаивает те же самые атеистические, социальные и социалистические ценности как и коммунизм; с другой стороны, он противоположен коммунизму во внимании, которое уделяется индивиду.

3.2 Теоретическая основа

Данное исследование принадлежит к области дескриптивного переводоведения, как оно было концептуализировано израильским теоретиком Тоугу, который одним из первых в восьмидесятые-девяностые годы придумал совсем новый дескриптивный, целевой подход к переводу. Он рассматривал переводы как «facts of target cultures» (1995:29). Его дескриптивный подход перенес акцент с исходного текста и с понятий, таких как «эквивалентность» и «верность», к целевому тексту и его роли в целевой культуре, так как считалось, что перевод не имеет никакого значения для исходной культуры и в действительности приобретает свое значение только в целевой культуре (Bassnett 2002: 7).

Также интересной для теоретической основы данной работы является полисистемная теория Even-Zohar, где внимание, как у Тоугу, также уделяется целевому контексту. Предполагается, что целевая культура и роль перевода в этой культуре являются ключевыми элементами в данной работе, поэтому в дальнейшем дается краткое изложение полисистемной теории. На основе идей русских формалистов, Even-Zohar сформулировал идею о том, что литература может быть рассмотрена как открытая и динамическая система систем, т.е. как полисистема, где разные системы иерархически и гетерогенно относятся друг к другу и где их положение (периферийное или центральное) различается в зависимости от разных факторов (Baker 1998: 176). Полисистемная теория Even-Zohar (1990: 46) рассматривает не только литературу в целом, но и в том числе переведенную, которая рассматривается как подсистема в литературной полисистеме. Учитывая это, переведенный текст больше не рассматривается как изолированное явление, а как составная часть целевого социального и исторического контекста, целевой системы (Baker 1998: 178). Положение (центральное или периферийное) переведенной литературы в полисистеме является переменным, и оно в значительной степени зависит от состояния и расположения самой полисистемы в тот момент (Even-Zohar 1990: 46). По словам Even-Zohar, исследования показали, что «the 'normal' position assumed by translated literature tends to be the peripheral one», однако переведенная литература при трех условиях также может приобретать центральное положение в полисистеме:

It seems to me that three major cases can be discerned, which are basically various manifestations of the same law: (a) when a polysystem has not yet been crystallized, that is to say, when a literature is "young," in the process of being established; (b)

when a literature is either "peripheral" (within a large group of correlated literatures) or "weak," or both; and (c) when there are turning points, crises, or literary vacuums in a literature. (Even-Zohar 1990: 47)

До перехода к фактическому исследованию, также хотелось бы обратить внимание на ограничения, влияющие на перевод, в концептуализации Toury. По его мнению, процесс перевода находится под сильным влиянием социально-культурного контекста, в котором он возникает, и на него влияют ограничения разных типов, в том числе нормы перевода (Toury 1995: 54). Нормы являются intersубъективными факторами, действующими на переводческий процесс; они занимают центральное положение между всеобщими, абсолютными правилами и чистыми идиосинкразиями (Ibid.). Toury различает два типа норм – предварительные и операционные нормы. Предварительные нормы являются связанными с непосредственностью перевода и с переводческой политикой, т. е. с переводческой действительностью и с внешними факторами, такими как ожидания издательств, выбор текстов для перевода, паратексты, и пр. (1995: 58, 65). Операционные нормы, в свою очередь, можно обозначить как выбор, сделанный переводчиком в течение самого процесса перевода (Toury 1995: 58).

Нормы можно исследовать двумя образами, с одной стороны, рассматривая текстуальные элементы, с другой стороны, рассматривая экстратекстуальные компоненты. Что касается экстратекстуального подхода, в отличие от текстуального, то Toury отмечает, что он может быть частичным из-за того, что он основан на побочных продуктах, а не на первичных (т. е. тексты перевода). Однако, к этому он добавляет, что если применить такой подход с осторожностью, он может быть легитимным и достойным инструментом для анализа переводческой деятельности (Toury 1995: 65-66). Таким образом, в данной работе, учитывая ограничения такого подхода и осознавая, что было бы идеально сочетать два вышеупомянутых подхода, будут анализированы как можно более критично и осторожно предварительные нормы на основе экстратекстуальных факторов. Сами тексты переводов в данной работе не будут рассмотрены.

В связи с рассмотрением норм перевода, стоит упоминать о более общем явлении ограничений экономического, политического или символистического рода, которые могут мешать культурному трансферу. Они могут возникать в исходной культуре, в целевой или из-за их столкновения (Sapiro 2008: 201). Эти три типа препятствий, названных выше, никогда не действуют отдельно, как самостоятельные единства,

однако бывает, что одно подчиняется другому (Sapiro 2008: 202). Sapiro (2008: 205) наблюдает, как продукция и распространение символистических товаров, таких как переводы, находится под сильным политическим влиянием в странах где, например, экономическое поле подлежит политическому и, где культурная продукция находится в руках государства (напр. в фашистских или коммунистических странах). В таком случае, перевод становится идеологическим и пропагандистским инструментом (Ibid.). По мнению Bourdieu (in Merkle 2004: 6), это объясняется тем фактом, что когда социально-политическая ситуация является стабильной, доминирующий дискурс автоматически сохраняется. И, напротив, в периоды глубоких политических и социальных перемен, когда усвоение доминирующего дискурса более не проходит беспрепятственно, это нарушает обычный баланс и приводит к появлению препятствий, эксплицитных норм и мер (напр. цензура) для консолидирования власти и доминирующего дискурса (Ibid.).

Таким образом, чтобы проанализировать восприятие Сартра и Камю, в данной работе сначала будет рассматриваться общий контекст, т. е. история, роль и место переведенной литературы в русской действительности в исследованный период. Затем более детально принимаются во внимание препятствия, нормы, элементы, влияющие на перевод двух авторов, рассматривая всеобщий общественный контекст и найденные «внепереводные» элементы, касающиеся судьбы двух авторов в России в советское время.

3.3 Сбор данных

Так как в данной работе изучается восприятие Сартра и Камю на основе переводов, в данном разделе описываются источники и методы сбора данных этих переводов.

На исследуемый период не существует доступной базы данных переводов, поэтому нам пришлось воспользоваться иным подходом. Другие исследования показали, что использование базы данных часто сопровождается некоторыми проблемами и ограничениями (Heilbron 1999, Ginsburg 2002, Рум et al. 2009). Мы полагаем, что в данной работе возможно рассмотрение вопроса без исключительной опоры на базу данных, но также нужно осознавать тот факт, что, несмотря на возможные ограничения, использование «официальной» базы данных обеспечивает надежность представляемой информации, которой вряд ли можно добиться другими подходами.

Рассмотрим сначала концепт «перевода». В рамках данной работы мы будем считать переводами те работы Сартра и Камю, которые были опубликованы на русском языке под именами двух авторов, так как предполагается, что не говоря по-русски, они не писали на языке оригинала. Найденная информация подвергается обязательной проверке для дальнейшего исключения ошибок. Сам текст перевода в данной работе не рассматривается, и поэтому его качество или всеобщие характеристики не повлияют на определение концепта «перевод». Также важно добавить, что рассматриваются только переводы, изданные в форме «физических книг», а, например, не переводы частей статей, изданные в журналах. В дальнейшем, излагается примененный подход, и откуда пришла идея такого подхода.

В статье о разных способах поиска переводов, при исследовании переводов с корейского на английский язык в США во время Холодной войны, Torres Simón (2009: 274-275) описывает то, как она столкнулась с ограничениями базы данных «Index Translationum» и как вследствие этого ей пришлось придумать альтернативный метод. Она работала и с разными «настоящими» базами данных, и с вебсайтом американского интернет-магазина «Amazon», который во многих аспектах оказался похожим на базу данных. На сайте возможно было найти огромное количество информации о различных книгах, даже о тех, которые больше не издавались или печатались. Конечно, «Amazon» не был придуман как «инструмент переводческого исследования» и неизбежно, у этого источника, как и у любого подхода, имелись ограничения. Однако в исследовании Torres Simón, «Amazon» оказался достаточно полезным и надежным инструментом (Ibid.).

Итак, без доступа к базе данных, было решено, по примеру Torres Simón, начать поиск информации о существующих переводах Сартра и Камю на вебсайте «Озон»⁴ (русский вариант американского сайта «Amazon»). Однако сразу стало ясным, что только результаты, найденные на «Озон», не являлись достаточной основой для составления как можно более полного или по крайней мере представительного списка переводов. Таким образом, нам представилось разумным рассмотреть дополнительную информацию, найденной на других сайтах. Сначала мы проанализировали сайт "Livelib"⁵, который посвящен литературе и предоставляет информацию о книгах, писателях, издательствах, библиотеках, и где можно было найти целый

⁴ <http://www.ozon.ru/>

⁵ <http://www.Livelib.ru/>

список изданий Сартра и Камю на русском языке. Затем мы продолжили поиск в электронных каталогах Российской Государственной Библиотеки⁶ и Научной Библиотеке Московского Государственного Университета⁷. Также рассматривались предоставленные списки литературы русскими биографическими страницами двух авторов на сайте «Википедии»⁸. И, наконец, с помощью «Index Translationum»⁹ еще удалось найти несколько переводов за период 1979-1991, учитывая тот факт, что электронная версия «Index Translationum» начинается с 1979-го года. На основе информации, найденной в этих шести источниках, был составлен список переводов Сартра и Камю в советское время.

Однако важно отметить, что переводы можно найти везде и в то же время найти все переводы невозможно: «the object of knowledge will always extend beyond what we grasp» (Pym et al. 2009: 267). Тот факт, что некоторые переводы можно легко найти в отличие от тех, которые почти недоступны, является неслучайным (Ibid.). Это следует учитывать при анализе, так как некоторые переводы в данной работе были найдены в разных источниках, в то время как другие были обнаружены только в одном. На этот счет существует бесчисленное количество причин, однако, можно предположить, что возможно, если перевод не был найден ни в одном из шести источников, он был скрыт умышленно. Наше переводческое исследование является скромной попыткой «to uncover the drama of distribution and concealment, the conflict of human interests weighing for and against the movement of objects across time and space» (Pym et al. 2009: 278) и в этой попытке неважно, присутствует ли перевод или отсутствует (видимо или фактически) он, так как в обоих случаях это означает «что-то» и может натолкнуть на определенные размышления.

3.4 Контекстуализация

3.4.1 Переводческая деятельность в СССР

В процессе поиска информации оказалось, что история перевода в России до сих пор еще мало исследована (Friedberg 1997: 16) и что доступная информация является

⁶ <http://www.rsl.ru/ru/s97/s339/>

⁷ <http://nbmgu.ru/search/>

⁸ http://ru.wikipedia.org/wiki/Сартр,_Жан-Поль

http://ru.wikipedia.org/wiki/Камю,_Альбер

⁹ <http://www.unesco.org/xtrans/>

фрагментарной. Несмотря на это, возможно описать в общих чертах историю перевода в советское время, что должно помочь нам в дальнейшем понимании и толковании вопросов, обсуждаемых в данной работе.

В XX-м веке значительные исторические события повлияли на переводческую деятельность в России. Алексеева (2004: 104) отмечает, что «история перевода в России в минувшем XX в. – явление сложное и неоднозначное. Существенную роль в его специфике сыграли социальные и общественные перемены». Алексеева (Ibid.) также указывает, что было бы необоснованным упрощением толковать эти перемены только социальными и общественными изменениями. По ее мнению, переводческая деятельность, как составная часть русской культуры, до некоторой степени развивалась по своим собственным законам. Нам представляется трудным объяснить и осветить прямые последствия путча 1917-го года, но можно сказать, что, учитывая ситуацию в других областях культуры, переводческая деятельность в то время хорошо развивалась (Friedberg 1997: 3). В 1919-м году, еще в контексте революционного энтузиазма, по инициативе М. Горького было создано государственное издательство «Всемирная Литература». Целью этого амбициозного проекта являлось познакомить русский народ с западной литературой (Friedberg 1984: 105). В советское время перевод имел важное значение в том смысле, что он обеспечивал распространение литературы для масс, что являлось одной из целей советской власти, но в то же время те же самые переводы проникались коммунистической идеологией и другими формами цензуры (Baer & Olshanskaja 2013: ix-x). Это было возможно потому, что в то время в России существовала плановая экономика. Издательская и переводческая деятельность были в руках советского государства, которое воспринимало издательство и перевод как идеологическое дело и считало чтение образом формирования общественного сознания (Abramitzky & Sin 2010: 8).

К 1930-м годам ситуация изменилась и государственный контроль постепенно укреплялся (Friedberg 1997: 4). Власти требовали, чтобы распространялись в основном политические книги и памфлеты, несмотря на то, что эти книги совсем не были популярными, и что на них практически не было спроса (Friedberg 1984: 177-178). Существовал значительный недостаток книг во многих областях знаний. Самыми дефицитными книгами оказались переводы западной (Friedberg 1984: 180), религиозной и философской литературы (Abramitzky & Sin 2010: 23). В этот период уделяли больше внимания переводам научных текстов (Abramitzky & Sin 2010: 23) и переводам авторов

разных республик СССР (Witt 2011: 155). Согласно Алексеевой (2004: 116-117), «К середине пятидесятых годов, после смерти Сталина, гайки диктаторского режима чуть-чуть ослабляются, и это сразу благоприятно сказывается на развитии перевода. Постепенно снимается запрет с имен крупных западных писателей (...)». Хорошим примером этого является то, что в 1955-м году образовался журнал «Иностранная Литература», специализирующийся на распространении и рецензии иностранной литературы (Baer & Olshanskaja 2013: ix; Алексеева 2004: 118), что обозначает новый импульс, хотя еще рано говорить о глубоких и значительных переменах. На самом деле между шестидесятыми и восьмидесятыми годами вследствие недостатков определенных типов книг, самиздат (т.е. производство и распространение разных книг, журналов, памфлетов, ... без официального разрешения властей), тамиздат (т.е. зарубежное диссидентское издание) и черный рынок занимали значительное место в обществе (Stelmakh 2010: 147-148). На черном рынке возможно было найти те книги, которые были запрещены (Friedberg 1984: 180).

После реформ Горбачева, к концу восьмидесятых годов государственный контроль сильно ослабился, и страна плавно перешла к рыночной экономике. Издательская и переводческая деятельность быстро освободились от рук партийного руководства, и впервые за многие годы учитывался спрос населения (Abramitzky & Sin 2010: 7-9). Таким образом, в конце восьмидесятых и в начале девяностых годов мало-помалу цензура исчезла, появились частные издательства, ориентирующиеся на прибыль. Наряду с классиками мировой литературы, в большом количестве стали выпускать в свет массовую «бульварную» литературу, т. е. различные виды развлекательной литературы, такие как как, детективы, романы ужасов и фантастические романы (Алексеева 2004: 120). Однако это оживление оказалось кратковременным. После распада Советского Союза в 1991-м году государство перестало субсидировать издательства, и это стало причиной для того, чтобы в первые годы после распада СССР из-за ограниченных финансовых ресурсов издавалось мало (Arnold 2002: 4). После этого периода, издательская деятельность возродилась и с того времени продолжала развиваться в тесной связи с экономической и с политической ситуацией.

Таким образом, стало ясным, что перевод, как распространение иностранных идей и ценностей, в советской России, действовало как «барометр политических настроений», где периоды политической и идеологической терпимости чередовались с периодами постепенного преследования инакомыслящих (Friedberg 1997: 16).

3.4.2 Отношение к философии

Как кратко упоминалось в предыдущем пункте, перевод философских текстов в советское время сильно подавлялся (Abramitzky & Sin 2010: 23). Для данной работы это является интересным явлением, потому что произведения Сартра и Камю, как указано выше, можно рассматривать как философские. Так как почти нет источников, рассматривающих в частности перевод философских текстов в СССР, в дальнейшем обсуждается отношение к философии в общем того времени.

В Советском Союзе коммунистическая идеология играла фундаментальную роль, и философией, задающей тон во всех областях жизни, явился марксизм-ленинизм (Kamenka 1963: 4). По словам Kamenka (1963: 5) философам приходилось либо отстаивать этот марксизм-ленинизм, либо попадать под сильное политическое давление. В результате, в период 1922-1947 многие русские философы были изгнаны из страны, и те, которые остались, должны были внести вклад в развитие и распространение марксизма-ленинизма (Яхот 1991). С 1922-го по 1944-й год в СССР существовал теоритически-философский ежемесячный журнал «Под знаменем марксизма», целью которого являлось выполнение задачи, которая была поставлена Лениным, касающаяся пропаганды материализма и атеизма и борьбы против идеализма (Большая Советская Энциклопедия: 1975 а). В годы большого террора, режим еще ужесточился, и область философии была совсем «сталинизирована» (Яхот 1991). Глава «О диалектическом и историческом материализме», которую Сталин написал в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938) стала официальным канонем философии того времени (Лекторский & Огурцов). На самом деле, было бы ошибкой полагать, что в советское время философия была оставлена без внимания. Однако занимались той философией, которая соответствовала коммунистическим идеалам (Kamenka 1963: 5, Яхот 1991).

К пятидесятым годам ситуация немного изменилась. В 1947 стал издаваться научный философский журнал «Вопросы Философии» и в 1958 журнал «Философские науки». Такое увеличение количества философских журналов сопровождалось повышением изданий философских книг (Kamenka 1963: 9). В конце пятидесятих годов в России стали изучать западную философию, издавались разные книги, в том числе и о французском экзистенциализме, и в 1958-м году советские ученые впервые приняли участие в Международном философском конгрессе в Италии (Смирнова 2013: 125).

Смерть Сталина и новый, менее репрессивный политический контекст не обозначали конец политического давления и подавления (Kamenka 1963: 10). Еще в пятидесятые и в шестидесятые годы Центральный Комитет КПСС опубликовал разные статьи о «правильной» форме философии, критикуя разные современные философские произведения и тенденции (Kamenka 1963: 10). Изучение западной философии тогда часто было представлено под именем «критики» западных буржуазных, антикоммунистических, ревизионистских тенденций (Смирнова 2013: 125), и партия выступила с резкой критикой против публикации иностранных произведений без адекватного введения, где объяснилось, почему и в чем ошиблись эти философы и философия, о которой шла речь. Тем не менее, в те годы, последствия такой публикации уже не являлись такими значительными, как раньше (Kamenka 1963: 10-11). Это был первый период ограниченной свободы в области издания зарубежной философской литературы (Смирнова 2013: 124).

По мнению Смирнова (2013: 124) период семидесятых годов характеризовался, с одной стороны, застоем и внешней неподвижностью, а с другой стороны, этот период был богат переменами. После Пражской Весны 1968-го года, количество «диссидентских» интеллектуалов, выступающих против советской власти, увеличилось. Однако этим интеллектуалам и философам, чьи взгляды не отвечали стандартам, затрудняли жизнь, не разрешая им преподавать и получать стипендии (Смирнова 2013: 125). Некоторые области философского знания, такие как политическая и связанная с ней социальная философия, в СССР на протяжении долгого времени не имели права на существование (Лекторский & Огурцов s.d.). Это изменилось только к концу восьмидесятых годов с приходом к власти Горбачева и, наконец, с распадом СССР (Ibid.). После 1991-го года впервые за многие годы, в России каждый имел право на духовную свободу. Области философии и темы, которые долго были под запретом, стали открыты для изучения (Ibid.) и для перевода.

4 ПЕРЕВОДЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СССР

4.1 Сартр в СССР

4.1.1 Общее восприятие

Сначала кратко рассматривается, каковым было общее восприятие, представление Сартра и его творчества на основе трех советских источников: второе издание Большой Советской Энциклопедии (1955), третье издание Большой Советской Энциклопедии (1975 б) и Краткая Литературная Энциклопедия (1971). Рассматривается, чему уделялось внимание и что было оставлено без внимания, так как считается, что отношение к его идеям и к нему лично как человеку, вероятно, повлияло на перевод его произведений.

Если смотреть на представляемую фактическую информацию, т. е. где Сартр учился, что он писал и когда, оказывается, что вся предоставленная информация правильно и «объективно» описывается. Однако когда речь идет о его мировоззрении, о содержании его произведений, о его политических взглядах, то тогда проявляются некоторые нюансы, которые вряд ли проявлялись бы в объективном описании. Кроме того, также оказывается, что некоторые из его самых значительных произведений оставляются без внимания.

В БСЭ (1955: 122) статья о Сартре буквально начинается с представления его мировоззрения, которое характеризуется термином «противоречиво», не объясняя в чем оно состоит. Далее, отмечается, что «Сартр считает себя представителем атеистического экзистенциализма», как будто предполагалось, что он только «считает себя» представителем этого движения тогда, как в действительности это не так, и опять же, объяснение отсутствует. Далее, разъясняется, что Сартр стремился к преодолению субъективизма, но, что его экзистенциалистские взгляды, наоборот, вели его к отрицанию этой объективности. Кроме того, считается, что его стремление к правдивому изображению жизни также стало невозможным из-за его «пессимистического» экзистенциалистского подхода (Ibid.). В этом, кажется, проявляется негативное отношение не к самому Сартру, а к экзистенциалистской философии. Описанные «цели» Сартра, т. е. объективность и правдивое изображение жизни, по-видимому, ценятся, однако пути к этим целям не одобряются.

В статье также отмечается, что эта «пессимистическая экзистенциалистская метафизика» отрицательно сказалась на произведениях Сартра, написанных во время войны (в том числе «Мухи» (1943), «За запертой дверью» (1944), «Смерть в душе» (1945)) (БСЭ 1955: 122). Дальше, указывается, что позже, его «укреплявшаяся связь с прогрессивными писателями Франции благотворно отразилась на его творчестве», которое к пятидесятым годам стало все больше оптимистичным и реалистичным («Почтительная проститутка» (1946), «Некрасов» (1955)) (БСЭ 1955: 123). Наверное, не является случайным совпадением то, что последнее упоминание относится к «коммунистическому периоду» в жизни и творчестве Сартра, и в этой связи также стоит упомянуть о том, что в статье уделяется внимание тому факту, что Сартр во многом был согласен с Марксом.

Бросается в глаза то, что о его самых значительных произведениях («Тошнота» (1938), «Стена» (1939), «Бытие и ничто» (1943), «Грязными руками» (1948)), уже написанных во время публикации статьи, в данном издании БСЭ (1955) не упоминается. Для этого существуют различные возможные причины, одна из них может быть связанной с тем, что сталинский период только что закончился, что эти произведения просто еще не были переведены и в результате еще не были доступными советскому читателю.

В последующем издании БСЭ (1975 б: 602) и в Краткой Литературной Энциклопедии (1971: 665), обеих изданных в семидесятые годы, в новом историческом контексте, когда Сартр уже больше не стоял на стороне СССР, его политико-идеологические взгляды описаны как сильно колеблющиеся на протяжении времени между либеральным демократизмом и леворадикальным экстремизмом и радикализмом. Был ли он экстремистом или нет, здесь не важно, однако считается, что выбор таких слов в обеих статьях свидетельствует о довольно негативном отношении к его новой политической ориентации в тот период. В то же время, в обеих статьях (БСЭ 1975 б: 602; КЛЭ 1971: 665) подчеркивается, что Сартр до того, как стать защитником «левацкого бунтарства» (т.е. радикалистом, экстремистом) под влиянием студенческих выступлений, забастовок и других событий 1968-го года, долго высказывался в поддержку социалистических стран, которые он посещал неоднократно до 1968-го года. Здесь создается впечатление, что Сартр принял сторону левого революционного и более радикального движения «просто так» после майских забастовок, когда на самом деле Сартр присоединился к этому движению, не только из-за майских событий 1968-го года, но и из-за того, что мало-помалу он терял надежду и веру в коммунизм и после

неназванных выше «других событий», т. е. после жестокого подавления Пражской весны 1968-го года, Сартр совсем перестал верить в коммунизм, отказался от него и от СССР (Birchall 2004: 211-213).

Его философия в статье БСЭ (1975 б: 602) описывается словом «идеалистическая» и подчеркивается таким образом, что ее считают неполноценной и несоответствующей действительности, что опять в некоторой степени доказывает негативное отношение к экзистенциализму. Сартр снова связывается с марксизмом, однако в этот раз речь идет о неудачной попытке Сартра в «Критике диалектического разума» (1960) «надстроить» марксизм. Также обращается внимание на то, что сам Сартр считал марксизм «самой плодотворной философией XX в., учением об отдельной личности» (Ibid.), в то время как сам он нередко был подвергнут критике со стороны марксистов (1975 б: 603).

В статьях БСЭ (1975 б) и в КЛЭ (1971) упоминается большее количество его значительных произведений, чем в предыдущем издании БСЭ (1955), однако «Грязными руками» в БСЭ (1975 б) остается без внимания в отличие от КЛЭ, где эта пьеса упоминается.

Как видно из вышеизложенных источников можно заключить, что отношение к Сартру на протяжении советского периода было переменным в зависимости от различных политических контекстов, более конкретно от контекстов пятидесятых и семидесятых годов, так как можно чувствовать изменения в отношении к автору между двумя периодами. Особенно в БСЭ (1955), например, отмечается, что советское отношение к самому экзистенциализму, а не к личности Сартра, в то время было главным источником критики в его адрес. Экзистенциализм, среди других модернистских течений, таких как сюрреализм или театр абсурда, в то время считали крайне нежелательным (Vagno & Kazanskij 2011: 2088). Это отрицательное отношение ясно проявляется в определении данного философского течения в БСЭ (1957: 358) «Экзистенциализм – идеалистическое направление современной буржуазной философии. [...] Э. безусловно враждебен марксизму». Что касается его политической ориентации, оказалось, что, как можно было и ожидать, больше всего ценился «коммунистический Сартр» и его произведения этого периода (до 1968-го года). В дальнейшем, опираясь на все это, будут рассмотрены отдельные переводы произведений Сартра.

4.1.2 Переводы Сартра

В данном разделе будут обсуждены найденные переводы Сартра, вставленные в следующую таблицу.

Таблица 1

Год издания	Название книги	Издадельство
1953	Экзистенциализм – это гуманизм	Москва: Изд-во иностранной литературы
1955	Лиззи	Иностранная литература, № 1
1956	Только правда (Некрасов): пьеса в 8 карт.	Москва: Искусство
1966	Слова	Москва: Прогресс
1967	Пьесы	Москва: Искусство
1971	Идиот в семье. Гюстав Флобер от 1821 до 1857	СПБ: Алетейя
1989	Сумерки богов Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр	Москва: Политиздат
1989	Тошнота	Иностранная литература, № 7

К списку переводов, полученному на основе вышеизложенного подхода (см. 3.3), добавились еще два перевода, которые случайно были найдены в дальнейших поисках информации. Эти переводы являются «Лиззи» в 1955-м и «Гошнота» в 1989-м году, оба из которых появились в журнале «Иностранная литература» («ИЛ»), специализирующемся на публикации переведенной литературы. Было указано выше (см. 3.3), что в данной работе рассматриваются только переводы, изданные в форме «физических книг», однако учитывая тот факт, что в данной случае тексты переводов, изданные в журнале «Иностранная литература» являются полными, а не частичными произведениями, все же было решено упомянуть их.

Первое, что бросается в глаза при анализе таблицы это то, что количество переводов Сартра является довольно скромным и что, несмотря на то, что Сартр во Франции уже в конце тридцатых годов был известен, в России его только стали переводить в год смерти Сталина. Отмечается, что в пятидесятые годы он был переведен три раза, после чего на протяжении более тридцати лет его в целом перевели только три раза, затем его снова стали переводить только к концу восьмидесятых годов, во время перестройки.

В следующих пунктах как можно более детально рассматриваются отдельные переводы: что переводилось, когда и при каких политических обстоятельствах.

4.1.2.1 Переводы пятидесятых годов

По полученным результатам первым переводом Сартра в России являлся перевод его статьи «Экзистенциализм – это гуманизм», опубликованный в России в 1953-м году через шесть лет после издания оригинала во Франции. В этой статье Сартр, в доступной всем форме и языке, излагает, как он сам воспринимает экзистенциалистскую философию, стремясь отвечать критикам с христианских и коммунистических сторон (L'express s.d.). Последние считали экзистенциализм Сартра буржуазным, субъективным, пассивным и изолирующим человека. Сартр в статье защищает свои взгляды и пытается доказать, что, даже если по разным пунктам он в разногласии с марксизмом, критика коммунистов является неоправданной, так как во многих отношениях он поддерживает их, правда, по-своему (Sartre 1946: passim).

Из этого можно сделать несколько выводов. То, что Сартр до этого времени в России не был переведен, по всей вероятности, было связано с критикой со стороны

коммунистов, упомянутой самим Сартром в своей статье. Как изложено выше (см. 3.4.1), при Сталине, переводились почти только произведения, соответствующие коммунистической идеологии, от которой, словами Сартра, по мнению «коммунистов» его произведения во многих отношениях отличались. По словам Юровской (2006: 6) работы Сартра, если когда они и достигали России, всегда сопровождалась критикой, и это являлось «нормальным» по простой причине, что Сартр сознательно спорил с марксизмом. Кроме того, можно предполагать, что не случайным фактом является то, что Сартр впервые был переведен в 1953-м году, в год смерти Сталина. Однако никакой источник не подтверждает такую теорию, поэтому и мы не будем подробно останавливаться на ней.

После этого были переведены пьесы «Лиззи» в 1955-м (Фр. 1946)¹⁰ и «Только правда (Некрасов)» в 1956-м году (Фр. 1955). По словам Великовского (1963) эти две пьесы, которые не только были переведены, но и поставлены на советской сцене, являются «наименее «сартровские» из сартровской драматургии», и не позволяют человеку, который их прочитал или посмотрел, понять, в чем суть мировоззрения Сартра.

Сначала рассмотрим «Лиззи». Сразу отмечается, что французское название книги «*La putain respectueuse*» (в буквальном переводе: «Почтительная проститутка») не было сохранено и заменялось именем одного из главных лиц: Лиззи. Пьеса, которая была поставлена в том же году, когда был сделан перевод, получила название «Лиззи Мак-Кей» (Хорт 2007: 85). По мнению Хорта (*Ibid.*) изменение названия пьесы в обоих случаях действительно было связанным с тем, что в советской действительности такие слова как «проститутка» не считались социально одобряемыми. Пьеса, была по словам Юровской (2006: 6), поставлена в советское время потому, что она изображала «укрывательство потаскушкой преследуемого афроамериканца», дальше Юровская (2006: 67) отмечает, что коммунистам даже было жалко «что Лиззи прячет не борца за правое дело, а испуганного афроамериканца». Уступка таким популярным стереотипам, замечает Юровская (2006: 6), свидетельствует о том, что на самом деле советской власти и публике главный смысл пьесы просто был непонятен.

Также интересным является тот факт, что «Лиззи» появилась в самом первом издании журнала «ИЛ», что показывает не только цель журнала публиковать иностранную

¹⁰ Данное сокращение, т. е. «Фр. + год», в данной работе используется для обозначения «опубликованный в X-м году во Франции».

литературу, но и в некоторой степени его «прогрессивность». Об издательствах упоминается подробнее в дальнейшем (см. 4.4).

Пьеса «Только Правда» была переведена в тот же самый период как «Лиззи», и также стала известной в советской России. Однако, когда пьесу выпустили в свет во Франции, это сопровождалось критикой со всех сторон и, наконец, эта пьеса даже стала первым настоящим провалом Сартра. Пьеса являлась острой сатирой французской сенсационной антикоммунистической прессы того времени, и поэтому некоторые наблюдатели ее считали коммунистической (Delacampagne 2006: 936). По мнению Delacampagne (2006: 938) то, что пьеса считалась коммунистической, было связано с тем, что она была написана в самый «коммунистический» период жизни и творчества Сартра. Однако, Delacampagne (2006: 939) также замечает, что пьеса не была до такой степени политической, как ее воспринимали. По его мнению, политическое содержание было только во внимании Сартра к пацифизму, который, на его взгляд, коммунизм, как и другие политические движения, также защищал. Но, согласно Delacampagne это не является достаточным, чтобы рассматривать пьесу лишь как коммунистическую (Ibid.). Если Сартр в пьесе так критически относился к антикоммунистической прессе, это не было связанным с самим антикоммунизмом или с его политическими убеждениями, а с тем, что пресса во Франции в то время, по его мнению, несправедливо искажала информацию с целью манипулировать общественное сознание (Delacampagne 2006: 940).

Однако это все уже касается заднего, подпольного плана многослойной пьесы, первый план которой казался несложным, т. е. Сартр защищал коммунизм. И так, тогда как пьесу во Франции отвергли из-за этого несложного первого плана, то в России он сделал ее известной:

«Некрасов» – продукт текущего политического момента и наглядное выражение политической позиции Сартра в середине 50-х годов, чем пьеса в особенности и ценна (что не ставит под сомнение художественные достоинства этого фарса). Сартр здесь – борец за мир, против поджигателей (...) войны, противник буржуазии, союзник коммунистов (в пьесе они симпатичны), сторонник СССР. (Андреев 2004: 321).

Русский писатель В. Войнович в интервью с Панковым (2012) также описывает две обсуждаемых выше пьесы Сартра, и в частности «Некрасов», как «пропаганда вроде советской».

Из всего этого можно сделать вывод, что эти пьесы были так рано переведены в советское время, и в случае пьесы «Некрасов» уже через год после ее публикации во Франции, потому, что то, о чем в них шла речь, по-видимому почти соответствовало советским критериям, и даже можно было воспринимать как пропаганду в пользу СССР. Также предполагается, что, несомненно, в тот период на его перевод повлияли не только коммунистическое содержание его произведений, но и элементы, связанные с личностью Сартра, такие как то, что Сартр в те годы являлся убежденным сторонником Французской Коммунистической Партии и СССР, и что он в 1954-м году посетил Советский Союз, после чего он опубликовал ряд очень позитивных статей о советском обществе (Birchall 2004: 137).

4.1.2.2 Переводы шестидесятых и семидесятых годов

Между 1956-ым и 1966-ым годами по полученным результатам, Сартр не переводился на русский язык, после чего на протяжении более двадцати лет был переведен только три раза. До обсуждения самих переводов, кратко рассматривается, что, возможно, повлияло на решение перевести Сартра в тот период.

В отличие от периода 1951-1956, когда Сартр был очень «просоветским», Сартр стал дистанцироваться от коммунистической партии после событий 1956-го года в Будапеште. В тот период он написал некоторые критические по отношению к коммунизму статьи и стал концентрироваться на дальнейшую разработку новой теории, излагаемой в его философской работе «Критика диалектического разума» (1960), являющейся критикой марксизма (Birchall 2004: 173-175). Сартр после 1956-го года потерял надежду в коммунизм в своей советской форме, однако он долго продолжал верить в существование какой-то удачной формы социализма, коммунизма (Birchall 2004: 173-183). Мало-помалу Сартр в виде альтернативы присоединился к «Новым левым» (Birchall 2004: 199-200), еще несколько раз посетил СССР, однако после упомянутых выше (см. 4.1.1) событий 1968-го года, Сартр совсем отказался от советского коммунизма и СССР. Предполагается, что эти изменения в поведении автора тесно связаны с тем, что после 1956-го года Сартр долго не переводился.

Однако, в 1966-м году, через десять лет после последнего перевода Сартра в России, появился перевод его автобиографической повести «Слова» (Фр. 1963, за которую

Сартр был награжден Нобелевской премией по литературе). Уже в 1963-м году русский советский литературовед Великовский, специализирующийся на французской литературе, рекомендовал издательству «Прогресс» повесть Сартра для перевода (Великовский 1963). Через год после этого, по словам Юровской (2006: 98), Сартр приехал в Москву, где написал предисловие к переводу повести, изданному издательством «Прогресс» в 1966-м году. Не было найдено никаких других комментариев о восприятии «Слова» в СССР, однако можно предположить, что если произведение так быстро было переведено, это было связано с тем, что в нем речь шла не о философии, не о политике, но о жизни хрупкого ребенка, о детстве писателя.

В 1967-м году появился сборник «Пьесы», в который вошли «Мухи» (Фр. 1943), «Мертвые без погребения» (Фр. 1946), «Почтительная потаскушка» (т.е. «Лиззи» в новом переводе), «Дьявол и Господь Бог» (Фр. 1951), «Только правда» (в том же самом переводе 1956-го года) и «Затворники Альтоны» (Фр. 1959). По словам Юровской (2006: 6) единственной пьесой из сборника, поставленной на советской сцене, являлась «Почтительная потаскушка», восприятие которой уже излагалась выше. Кроме того, о русском восприятии сборника или отдельных пьес не была найдена никакая дополнительная информация, и чтобы не сделать необоснованных выводов, восприятие этих пьес в данной работе подробнее не обсуждается.

Последней работой Сартра, которая была переведена после формального отказа Сартра от советского коммунизма в 1968-м году и до перестройки, является первый том незавершенного произведения «Идиот в семье. Гюстав Флобер от 1821 до 1857», появившегося в России в 1971-м году (Фр. 1971). Эта работа являлась «суммой философской, социально-исторической и литературоведческой мысли» Сартра (Сартр 1998: 4). Мы будем относиться к данному переводу с осторожностью не только потому, что он был найден только в одном источнике, но и потому, что в дальнейшем поиске оказалось невозможным найти какую-либо дополнительную информацию о переводе (кроме как об издании того же самого произведения тем же самым издательством в 1998-м году). Более того, тот факт, что перевод по полученным результатам был издан в том же году, что и оригинал, также вызвал наше подозрение. Несмотря на данные оговорки, этот перевод сохраняется в нашем списке переводов, так как хуже отрицать существование чего либо, чем рассматривать возможно несуществующую вещь.

Однако трудно обсуждать восприятие какого-либо перевода без информации. Нам только хотелось бы заметить, что если этот перевод действительно существует, то тогда, должно было иметь важное значение, когда он был опубликован, так как до этого никакие из значительных философских и литературно-критических произведений Сартра не были переведены на русский язык. И по той причине, что, по-видимому, о данном переводе никто ничего не написал, никто не выражал критику или похвалу, вероятность его существования еще больше ставится под сомнение.

В заключение также важно отметить, что если данный перевод не существовал, это обозначает, что после политической «реориентации» Сартра в 1968-м году и наверное в связи с ней, его совсем перестали переводить, впоследствии чего Сартра в течение более двадцати лет обошли молчанием.

4.1.2.3 Переводы с восьмидесятых годов до распада СССР

После долгого периода «молчания», Сартр впервые снова был переведен во время перестройки, а именно в 1989-м году. В том году появились два перевода: статья «Экзистенциализм – это гуманизм» (в новом переводе в сборнике «Сумерки Богов») и роман «Тошнота», появившийся через пятьдесят лет после издания оригинала в 1938-м году.

Сборник «Сумерки Богов», в котором был опубликован новый перевод статьи «Экзистенциализм – это гуманизм», являлся одним из двадцати шести книг в книжной серии «Библиотека атеистической литературы» издательства «Политиздат». Серия книг, состоявшая только из атеистической литературы, являлась инструментом для советской антирелигиозной пропаганды в семидесятые и восьмидесятые годы (Livelib¹¹). Таким образом, этот новый перевод уже переведенного раньше текста Сартра в этот раз появился с новой целью служить коммунистическим целям, коммунизму. О том, почему был сделан новый перевод, не упоминается. Кроме того, перевод, по-видимому, не стал предметом никакой дискуссии или по крайней мере не было найдено никаких доказательств тому. Можно предположить, что критика, выраженная Сартром в данной статье против марксизма в конце восьмидесятых годов, уже не воспринималась, также как в 1953-м году, поскольку в то время уже стало

¹¹ <http://www.Livelib.ru/series/23815>

ясным, что коммунистический строй не являлся таким идеальным или удачным, как в него еще верили в пятидесятые годы в Советском Союзе, но это уже касается другого вопроса.

Вторым и последним переводом Сартра, сделанным в тот период и вообще в советское время, по полученным данным, является перевод его первого шедевра: роман «Тошнота». Это – очень интересное явление, так как этот перевод первого романа Сартра также стал первым из его «настоящих философских трудов», издававшимся в советское время.

К сожалению, опять оказалось трудно найти информацию о восприятии романа после перевода, однако возможно привести несколько общих наблюдений. То, что этот перевод никогда раньше изданного текста был сделан именно в те годы, т. е. при горбачевской перестройке, несомненно можно связать с политическими и экономическими переменами того времени. Несмотря на убеждение, что внести полную ясность невозможно, также предполагается, что после долгого периода иногда явного, иногда имплицитного осуждения и неприятия философа Сартра, перевод «Тошнота» обозначал новый импульс в переводе и в отношениях к Сартру в России. Конечно, чтобы более детально это обсуждать, нам пришлось бы рассмотреть восприятие Сартра в России после 1991-го года, что уже выходит за пределы данной работы.

Оговоримся, что переведены и опубликованы некоторые философские работы Сартра были только в 1990-2000-е годы, художественные же и литературно-критические тексты (...) до сих пор, очевидно, «томятся» в столах переводчиков. (Юровская 2006: 99)

4.1.3 Краткие выводы

Уже при анализе общего восприятия Сартра в СССР оказалось, что отношение к автору на протяжении советского времени являлось переменным. Отмечалось, что в пятидесятые годы, главным источником критики в адрес Сартра являлось советское отношение к экзистенциализму, а не к самому автору. В те годы были переведены и поставлены на советской сцене пьесы «Лиззи» и «Только правда. (Некрасов)», пьесы, которые можно было воспринимать как пропаганду в пользу СССР. Вряд ли является

совпадением то, что Сартр в Советском Союзе являлся самым популярным в те годы, т. е. в «коммунистические» годы его жизни и творчества.

После этого, Сартр несколько лет не переводился в России, что связано с критикой, выраженной автором против действий Советского Союза в тот период. Однако, во второй половине шестидесятых годов, появились еще два перевода Сартра, в том числе повесть «Слова», о которой предполагалось, что она была переведена в то время по той причине, что в ней не было никакого явного философского содержания. В тот же период также появился сборник «Пьесы», в котором вошли несколько пьес, в том числе и уже переведенные в пятидесятые годы; их восприятие не обсуждалось в подробностях из-за недостатка источников.

Оказалось, что с 1968-го года, Сартр в Советском Союзе долгое время не был переведен, скорее всего, опять-таки в связи с его политическими убеждениями. Однако, как показано дальше в обсуждении Камю (см. 4.2.2.1), майские события 1968-го года и период «застоя» в советской политике и экономике того времени, вероятно также повлияли на перевод Сартра в тот период. Через двадцать лет после этого, в период перестройки, его снова стали переводить. Правда, количество переводов, сделанных в то время, на самом деле является довольно скромным. Однако перевод «Тошнота», являющийся первым переводом «настоящего философского труда» Сартра, свидетельствует о том, что в России наступили новые времена с новыми нормами.

Проводя итоги, отмечаем, что Сартр, на протяжении советского периода, относительно мало был переведен и, что те произведения, которые были переведены, не всегда являлись самыми представительными для творчества автора. Отмечается, например, что «Стена» (Фр. 1939), «Бытие и ничто» (Фр. 1943), «За закрытой дверью» (Фр. 1944), «Грязными руками» (Фр. 1948) и «Критика диалектического разума» (Фр. 1960), все принадлежащие к самым значительным произведениям Сартра, к 1991-м годам еще не достигли русского читателя. Конечно, нельзя было ожидать, что с наступлением перестройки вдруг будут переведены все ранее непереведенные произведения. Однако то, что при Горбачеве появились только перевод «Тошноты» и новый перевод «Экзистенциализм – это гуманизм», обозначает, что даже если политический контекст совсем изменился, и существовало право переводить «почти все, что угодно», все же отношение к Сартру оставалось настороженным.

4.2 Камю в СССР

4.2.1 Общее восприятие

Для обсуждения общего восприятия Камю в советское время использовался другой подход, нежели для обсуждения Сартра из-за того, что о Камю во втором издании БСЭ еще не упоминается, что делает невозможным сравнение восприятия автора в разные периоды только на основе доступных нам подлинных советских источников. Однако, с помощью статей из КЛЭ (1966), из третьего издания БСЭ (1973) и других источников, в абзацах ниже пытаемся дать общий очерк отношений к Камю в советское время.

Согласно Tall (1980: 321) в сороковых-пятидесятых годах, советские власти очень критически относились к Камю. Интересно отметить, что на первый взгляд, произведения и философия Камю, в которых в период после войны своим оптимизмом он пытался возродить потерянную всеми надежду на будущее, вроде соответствуют советским требованиям (Tall 1980: 321). Однако если смотреть на политические взгляды Камю в то время, то станет ясным, откуда возникло советское неприятие его (Ibid.). Несмотря на то, что он являлся левым интеллектуалом, Камю в то же время принял после войны сторону Запада против СССР, остро осудил сталинские лагеря и поступки советских властей в Берлине, в Польше и в Венгрии. Он также выступал за политическую свободу и против деспотизма и массового убийства, которые он считал неизбежными последствиями любой революции (Ibid.). Все это подвергло его сильной критике в период до и после смерти Сталина, и особенно с 1957-го года, после нобелевской речи, в которой он выражал критику социалистического реализма (Tall 1979: 247).

В те годы советская критика в основном характеризовалась отрицанием значительности Камю как писателя и как общественного деятеля; говорили, что даже на Западе он был непопулярным, что его читала только мелкая буржуазия, а его роль в Соппротивлении совсем была оставлена без внимания (Tall 1980: 322). Однако, вместе с десталинизацией, культурный климат в шестидесятые годы потеплел и отношения не только к Камю, но и к другим западным «модернистам» стали меняться «по капле». Повлияла на восприятие Камю не только новая политика, но и смерть автора. Словами Tall (1980: 322) «it is easier to tolerate a dead heretic than a live one».

Итак, в начале шестидесятых годов в СССР появились первые статьи и книги о Камю. Советский критик Шкунаева (цитируется по Tall 1980: 323) сразу сделала Камю гораздо менее подозрительным, доказав в своей работе «Современная французская литература» (1961), что его творчество является реалистическим и на самом деле противоречит его крайне нежелательным политическим и философским взглядам. Шкунаева, по мнению Tall (Ibid.), также аргументировала и подчеркивала, что Камю совсем не является сознательным реакционером, но убежденным противником империализма и фашизма. Однако, Tall (Ibid.) отмечает, что позитивное отношение Шкунаевой к Камю в тот период еще являлось исключением (Ibid.). Большинство других опубликованных статей, которые были направлены на широкую публику, являлись более двусмысленными (1980: 325). Уделялось внимание участию Камю в Сопротивлении, его таланту, его популярности и роли в литературе XX-го века. Его творчество тогда рассматривали как критику против религии и буржуазии, и как изображение проблем капиталистического общества, в том числе разочарования индивида. Но в то же время, важно отметить, что постоянно подчеркивались ограничения философии, идей Камю, как явившиеся последствием его либерального, мелкобуржуазного происхождения (Ibid.).

Несмотря на все это, Tall (1980: 324) также отмечает, что, несмотря на продолжение критики, к семидесятым годам она все больше теряла свой беспочвенный характер и стала более обоснованной, детальной, уделяющая внимание конкретным аспектам творчества Камю вместо того, как по-прежнему бесконечно повторять голословные обобщения. Это частично объясняется при рассмотрении статей о Камю в БСЭ и в КЛЭ, которые на первый взгляд производят довольно нейтральное впечатление. Кажется, что и библиографические элементы, и содержание произведений Камю, объективно описаны. Однако, после более близкого рассмотрения статей, отмечаются мельчайшие нюансы в описании идей и мировоззрения Камю в КЛЭ (1966), которые стоит отметить, могут быть связанными с тем, что статья в КЛЭ была опубликована раньше, чем БСЭ (1973).

В статье КЛЭ (1966: 352) отмечается, что в некоторых случаях идеи Камю противоречат марксизму и идеям народной революции, которую Камю «не дифференцируя ее историческое и классовое содержание, рассматривает как враждебную личной свободе». В этом можно заметить, что автор статьи пытается доказать, что отрицательное отношение Камю к марксизму и к революции является

ошибочным, необоснованным, так как он не учитывает все факторы. Далее, в заключение статьи можно увидеть очень похожий ход мысли: «Творчество и философия К. представляют собой противоречивый сплав гуманистич. и индивидуалистич. тенденций, свидетельствуя о принципиальной невозможности в век борьбы народов за социализм утверждать гуманистич. идеи, отвергая эту борьбу» (Ibid.). Здесь главной идеей автора является то, что противоречия в философии и творчестве Камю обусловлены тем, что невозможно быть гуманистом, если не принимать борьбу за социализм. Также чувствуется пренебрежительное отношение к индивидуалистическим тенденциям в творчестве Камю, которые тоже не согласуются с социалистическими идеалами. Эти примеры свидетельствуют о том, что даже если в то время с относительным терпением относились к Камю, в то же время критика продолжала подчеркивать антимарксистские тенденции в творчестве автора.

Можно заключить, что отношения к Камю в советское время, как и к Сартру, являлись переменными и сильно зависели от политических настроений. Отмечалось, что начиная с шестидесятых годов было разрешено о нем писать, говорить, и пр. Однако, как оказалось выше, это не обозначало, что критика утихла, она только приобрела новый характер:

True, for most of them (soviet critics C.B.) it is a “sanitized” Camus that they admire, one conforming to Soviet ideals of collective militance and hostility to the bourgeoisie and cleansed of everything uncomfortable. Camus’ devotion to the happiness of the individual, his refusal to sacrifice liberty for justice, his anarchosyndicalism, his solidarity with working people, his search for a third way between communism and capitalism – all these are bypassed in silence, glossed over, or portrayed in a negative light. (Tall 1980: 336)

4.2.2 Переводы Камю

В данном разделе обсуждаются переводы Камю, найденные по вышеизложенной методике (см. 3.3) и включенные в нижестоящую таблицу.

Таблица 2

Год издания	Название книги	Издательство
1968	Посторонний	Иностранная литература, № 9
1969	Избранное	Москва: Прогресс
1988	Избранное	Москва: Радуга
1989	Сочинения	Москва: Прометей
1990	Творчество и свобода. Статьи, эссе, записные книжки.	Москва: Радуга
1990	Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство.	Москва: Политиздат

Как и у Сартра, к списку полученных переводов в данном случае также добавился перевод, найденный в дальнейших поисках информации. Этим переводом является «Посторонний», опубликованный в 1968-м году в журнале «Иностранная Литература». Аргументы для включения этого перевода в данный список являются теми же самыми, как и изложенные в обсуждении Сартра.

При первом анализе таблицы сразу бросается в глаза, что по полученным данным Камю в России впервые был переведен только в конце шестидесятых годов, через примерно тридцать лет после того как он стал известным во Франции. При рассмотрении таблицы

также отмечается, что после этих двух переводов его больше не переводили до перестройки. Возможные причины для того, что Камю до 1968-го года не был переведен, уже были изложены в предыдущем пункте об общем восприятии Камю, так что в дальнейшем мы сконцентрируемся только на периоде, начиная с первого перевода Камю в СССР.

4.2.2.1 Ранние переводы

Первое произведение Камю, которое, по полученным данным, было переведено на русский язык в СССР, является роман «Посторонний» в 1968-м году (Фр. 1942). Стоит упомянуть о том, что уже два года до этого, в 1966-м году, появился перевод того же самого произведения под названием «Незнакомец» в Париже. Крайне вероятно, что этот перевод являлся тамиздатским изданием и в какое-то время распространялся в России. Однако так как перевод был издан не в России, а за рубежом, он не включен в список переводов и не будет подробнее обсужден в данной работе.

Главный герой романа, Мерсо, является безразличным персонажем, который после похорон матери, равнодушно решает на убийство незнакомого человека. Роман, до и даже после публикации в России, являлся довольно полемическим; считалось что он побуждал к пессимизму, бездеятельности и отчуждению индивида (Tall 1980: 322). Tall (1980: 327) указывает, что одна из важнейших проблем романа была связана с вопросом о том, до какой степени главный герой являлся изображением самого Камю. Конкретизация этого, по мнению Tall, можно найти в работах о Камю советского литературоведа Великовского, специализирующегося на французской литературе и явившегося самым влиятельным критиком Камю в то время (Tall 1980: 325). Великовский (1973) ассоциирует Камю с личностью его персонажа и приписывает слова Мерсо и его жизненную философию Камю, в попытке очернить автора. Великовский характеризует ценности Мерсо (и таким образом имплицитно Камю) как примитивные, опасные и нежелательные, так как эти примитивные ценности (такие как невинность, аутентичность и самопроизвольность) в романе позволяют Мерсо убить другого человека «просто так», как опыт своего существования, наконец приводящий его к Бунту. Что Камю не понимает, утверждает Великовский, это то, что его философия не противостоит индивидуалистическому буржуазному обществу, которое Камю якобы ненавидел, а наоборот, укрепляет его (Ibid.).

Однако это является уже довольно глубоким анализом, и если «Посторонний» издавался в 1968-м году, согласно Tall (1980: 323) это было связано с тем, что роман также можно было рассматривать как острую критику лицемерного буржуазного общества. Несмотря на возможные нежелательные интерпретации романа, в то же время роман мог быть идеологическим инструментом в борьбе против капитализма и буржуазии, показывая отчуждение, безразличность и аморальность таких обществ.

В 1969-м году появился сборник «Избранное», в который вошли переводы трех повестей: «Чума» (Фр. 1947), «Посторонний» (в новом переводе), «Падение» (Фр. 1956); и переводы некоторых рассказов: «Неверная жена» (Фр. 1957), «Молчание» (Фр. 1957), «Иона, или художник за работой» (Фр. 1957), «Бракосочетание в Типаса» (Фр. 1939), «Ветер в Джемила» (Фр. 1939) и «Возвращение в Типаса» (Фр. 1954).

Сначала рассмотрим произведение «Чума». В романе речь идет о чуме, которая поражает алжирский город «Оран», изолируя, таким образом, город от остального мира. Содержание романа можно воспринимать и интерпретировать как метафору ситуации сороковых годов в Европе и как абстракцию борьбы Сопротивления против фашизма. Словами автора: «Je veux exprimer au moyen de la peste l'étouffement dont nous avons tous souffert et l'atmosphère de menace et d'exil dans laquelle nous avons vécu.» (Camus 1964: 72).

Интересно отметить, что уже в начале шестидесятых годов, после гибели Камю в автокатастрофе, главный редактор журнала «Новый мир» намеревался издавать перевод «Чумы». Ожидая проблемы с цензурой, он обратился к французскому «коммунисту» Луи Арагон, с целью получить поддержку лица, признанного Советским Союзом. Однако, вопреки ожиданиям, Арагон обратился к посольству СССР и выразил недоумение плана издавать Камю, являющегося антикоммунистическим писателем. В результате ЦК КПСС запретил издание романа, появившегося только впоследствии в 1969-м году (Блох 2005: 162).

Tall (1980: 325) наблюдает, что не только публикация «Постороннего», но и издание «Чумы» вызвали различные реакции. Согласно Tall (1980: 328), Великовский снова воспользовался изданием романа, чтобы лично критиковать Камю, ассоциируя его с персонажем Тарру, явившимся бывшим революционером и отказавшимся от политики потому, что он не верил в насилие и хотел остаться невинным. Великовский (1973)

рассматривал это лишь как предлог с целью избежать любой ответственности. Однако отмечаем, что имплицитное утверждение Великоского о пассивности Камю просто не принимает во внимание активную и ангажированную роль, сыгранную Камю в Сопротивлении и в обществе. Наверное, критика в данном случае по большей части была связанной с аполитичностью Камю, с тем, что он утопически предпочитал третий путь коммунизму, от которого совсем отказался. Tall (1980: 323) замечает, что другие критики совсем по-другому относились к «Чуме». Они описали роман как реалистическое, антифашистское произведение, два свойства, которые несомненно отвечали коммунистическим критериям того времени. Предполагается, что в частности антифашистское содержание являлось интересным, так как его можно было использовать для формирования негативного представления о Западе.

В сборник также вошла повесть «Падение», которая, как и два предыдущих перевода, вызывала противоположные реакции. С одной стороны, Великовский (1973) заметил следующее: ««Падение» [...] – это корчи индивидуализма, не вчера родившегося, но сегодня пробующего сменить кожу, чтобы продлить себе жизнь хотя бы в обличье индивидуализма стыдливого и сокрушающегося, тем паче, однако, склонного к изошрённому тиранству». В этом можно проследить критическое отношение к индивидуалистическим аспектам повести и философии Камю. Кроме того, речь шла о бессмысленном падении человека в бездну существования, и это, наверное, по коммунистическим стандартам, также являлось нежелательной темой, являвшейся слишком пессимистичной. Однако, с другой стороны, Великовский (1973) отмечал, что выпады Камю в «Падении» против своего века, своих давних спутников и самого себя были полностью обоснованными. По мнению Великовского, в «Падении» Камю «замыкает круг, по которому два десятка лет двигалась его мысль», пришедший к выводу, что изначальная основа его мировоззрения являлась ненадежной. И правда, большинство ученых согласны по поводу окончательного характера повести «Падение» в творчестве Камю (Granarolo 2010), однако, что Камю признает в «Падении», что его мировоззрение являлось необоснованным, сомнительно по той причине, что нигде не найдется подобного хода мыслей. Также стоит отмечать, что в данной повести описывается не падение просто какого-либо индивида, а падение буржуазного мужчины, что в советское время, несомненно, можно было воспринимать как критику против буржуазного Запада.

О советском восприятии рассказов, включенных в сборник «Избранное» также не найдена никакая полезная нам информация. Можно отмечать, что рассказы «Неверная жена», «Молчание» и «Иона, или художник за работой» принадлежат к тому же сборнику рассказов «Изгнание и царство», в котором входят еще три рассказа, которые не включены в «Избранное». Несмотря на то, что фабула во всех рассказах «Изгнание и царство» отличается, в то же время каждый рассказ основывается на том же самом мотиве, т.е. чувство провала и недовольства главного лица из-за трудностей, невозможности найти «Царство», как аллегория счастья, солидарности (Cohn 1976: 191). Рассказы «Ветер в Джемила» и «Бракосочетание в Типаса», которые также вошли в «Избранное», принадлежат к сборнику «Брачный пир», явившемуся самым позитивным и счастливым из произведений Камю (*Etudes Littéraires s.d.*). Возможно эта позитивность (в отличие от обычно более темной и пессимичной атмосферы в творчестве Камю) повлияла на решение включить эти рассказы в данный сборник.

При анализе списка рассказов сразу становится ясным, что, как уже подразумевается в названии книги («Избранное»), переведенные рассказы тщательно были отобраны: во-первых, потому, что не все рассказы одного и того же сборника были переведены; во-вторых, потому, что были переведены работы не из одного определенного периода в творчестве Камю, но и из разных периодов и циклов. Это на самом деле также касается переводов трех повестей, каждая из которых принадлежит к другому циклу творчества Камю. О том, как и почему именно эти произведения были отобраны для перевода, мы можем только догадываться.

На основании вышеизложенного можно заключить, что с 1968-го года творчество Камю стало доступным советскому читателю, правда, в ограниченной степени, так как возможности прочесть множество значительных произведений Камю, таких как «Миф о Сизифе» или «Бунтующий человек», читателю пришлось ждать еще примерно двадцать лет. Оказалось, что переведенные произведения тщательно были отобраны, неизвестно на основе каких именно критериев, однако, как выясняется из вышеуказанного, большинство переведенных произведений тем или иным путем можно было использовать в качестве идеологического инструмента в борьбе против буржуазного и капиталистического Запада.

Существуют разные возможные толкования касательно причины того, что после 1969-го года и до перестройки Камю в России не переводился. Отмечается, что 1969,

случайно или нет, почти соответствует году последнего (или предпоследнего) перевода Сартра в России до восьмидесятых годов. В случае Сартра, это связывалось с политической ориентацией и с отношениями к СССР автора в то время¹². К Камю, который умер в 1960-м году, это не относится.

Отмечаем, что 1968-й год во всем мире был богатым событиями, в Западной Европе в мае того года прошла своего рода революция (Тарасов: 2008). Согласно Схивия (s.d.) майские события символизируют «культовый для бунтарей всего мира, праздник восстания против звериных порядков капитализма и жизненных устоев старого, насквозь прогнившего патриархального мира». Несмотря на то, что на Западе эту революцию рассматривали как «левую и антикапиталистическую», в Советском Союзе довольно отрицательно относились к ней, считали ее радикальной и экстремистской (Тарасов: 2008). Майские события не будут обсуждены в подробностях, однако, в рамках данного исследования, стоит отметить, что во Франции экзистенциалистское течение сыграло важную роль в этих событиях, не только потому что Сартр сам участвовал в забастовках, но и потому, что концепты, такие как свобода и индивидуализм, введенные в французское общество экзистенциализмом и экзистенциалистами (в числе других) с сороковых годов XX-го века, в некоторой степени сделали «Французский Май» возможным (Dosse 1991: 28). В связи с этим, можно предполагать, что советские власти боялись этих ценностей, боялись похожего бунта на своих территориях, и поэтому реагировали довольно репрессивно (Тарасов: 2008). Кроме того, период правления Брежнева (с 1964-го по 1982-й год) в истории России также характеризуется эпохой «застоя», в которой экономическая ситуация в стране ухудшалась и отмечалось обострение идеологического давления в социальных и культурных областях (Möldre 2005: 17).

В заключение можно предположить, что даже если Камю сам не участвовал в майских забастовках, по ассоциации с Сартром и с экзистенциализмом и их роли в майских событиях, стало крайне нежелательным продолжать переводить и распространять его произведения и идеи в СССР. Однако это просто является предположением, гипотезой, и на самом деле молодежь, участвовавшая в майских событиях, даже почти не знала

¹² В разделе о Сартре не обращалось такого внимания на майские события и на «застой» в русской политике и экономике в то время потому, что другие элементы также могли объяснить тот факт, что после 1968-го года его перестали переводить. Однако ретроспективно отмечаем, что и «Май 1968-го года», и «застой», по причинам, изложенным на данной странице, также крайне вероятно повлияли на решение долго не переводить Сартра в СССР с того времени.

Камю, явившегося наиболее менее известным, чем Сартр на своей французской родине (Долгов 1990: 5-6). Кроме того, также возможно, что период «застоя» в русской политике, экономике и культуре повлиял на перевод автора. Последним возможным объяснением того, что Камю после 1969-го года перестали переводить, является то, что уже были переведены все произведения автора, которые могли быть переведены в Советском Союзе, т.е. те, которые до какой-то степени соответствовали коммунистическим идеалам, критериям и пр. По всей вероятности вышеизложенные причины в некоторой степени были взаимосвязаны.

4.2.2.2 Переводы перестроечного времени

Через почти двадцать лет после его последнего перевода, в 1988-м году Камю впервые снова был опубликован в СССР. Как и уже излагалось в разделе о Сартре, это было связано с новым политическим и экономическим контекстом и с ослаблением влияния коммунистической идеологии в то время.

В 1988-м году издавался сборник «Избранное» под тем же названием и с тем же содержанием как в 1969-м году¹³, но к сборнику еще добавились несколько новых переводов, эссе «Между да и нет» (Фр. 1937, входящий в состав сборника «Изнанка и лицо»), эссе «Миф о Сизифе» (Фр. 1942), «Письма к немецкому другу» (Фр. 1945), и рассказов «Миндальные рощи», «Прометей в аду» и «Изгнанничество Елены» (Фр. 1954, все входящие в состав сборника «Лето»). Сразу отмечается, что «Избранное» состоит из смешения разных повестей, рассказов и эссе, принадлежащих к разным сборникам и циклам творчества Камю. Предполагается, что в конце восьмидесятых годов тот факт, что например была переведена только определенная часть того или иного сборника, больше не был связан с цензурой. Возможно, с помощью сборника, в котором можно найти всего понемногу, просто хотелось дать советскому читателю общее представление творчества Камю. В дальнейшем только будут обсуждены новые переводы, включенные в «Избранное».

¹³ т. е. «Чума», «Посторонний», «Падение», «Неверная жена», «Молчание», «Иона, или художник за работой», «Бракосочетание в Типаса», «Ветер в Джемила» и «Возвращение в Типаса».

Произведение «Между да и нет» является одним из четырех эссе, входящим в сборник «Изнанка и лицо». Неизвестно, почему было переведено именно это эссе, однако можно сформулировать несколько предположений, касающихся причин перевода эссе из «Изнанка и лицо». Сборник принадлежит к самым ранним произведениям Камю и автор, в предисловии к переизданию сборника в пятидесятых годах, объяснил, что сам он считал, что в «Изнанке и лице» можно было проследить источник и суть всего его творчества (Camus 1958: *passim*). Таким образом, можно предположить, что если было переведено эссе из этого сборника, это в основном связано с тем, что сборник не только являлся одним из первых произведений Камю, но и, что автор его сам считал представительным для всего его творчества. Словами Великовского (1973) «Изнанка и лицо» это «одновременно и путевые заметки, и философские этюды, и лирические медитации,— словом, запись нестройно текущих дум по поводу зрелища, внезапно поразившего взор и побудившего вспыхнуть свет озарения, которое давно, исподволь теснило грудь, ожидая своего часа». Это показывает, что уже в 1973-м году данный сборник не вызвал никакой острой критики.

В состав «Избранное» также вошел «Миф о Сизифе», в котором Камю пытался доказать, что проблему Абсурда, присущую человеческому существованию, возможно преодолеть через Бунт. «Миф о Сизифе» не был переведен до этого периода, что, вероятно, было связано с тем, что концепт «самоубийства» имеет значительную роль в данном эссе, первым предложением которого является: «Il n'y a qu'un problème philosophique vraiment sérieux : c'est le suicide» (Camus 1985: 13). Такие пессимистические черты, как уже отмечалось в разделе о Сартре и об общем восприятии Камю, в советское время не ценились. Некоторые ученые до сих пор рассматривают «Миф о Сизифе» как «трактат о самоубийстве» (Кушкин: 2013) и Камю как нигилиста, когда на самом деле «Миф о Сизифе» является «трактатом *против* самоубийства», и Камю вовсе не был нигилистом (Toussaint 2009). Правда, в своем эссе об Абсурде он представлял суицид как возможное решение проблемы Абсурда, но единственным правильным решением он считал Бунт. Факт, что «Миф о Сизифе» был переведен в то время неудивителен, так как эссе является одним из самых значительных философских трудов Камю.

«Письма к немецкому другу», опубликованные в подпольной печати во время войны, также вошли в сборник «Избранное». Согласно Камю эта фиктивная корреспонденция была написана с точной целью «хоть немного прояснить смысл той слепой борьбы,

которую мы вели тогда, и тем самым сделать эту борьбу более эффективной» (Камю 1990 б¹⁴). Великовский (1989), в предисловии к белорусскому изданию «Избранное», описал «Письма к немецкому другу» как «философско-публицистическая отповедь попыткам оправдать фашистское человеконенавистничество с помощью ницшеанских выкладок». Из этого выражения уже следуют возможные причины для того, что «Письма к немецкому другу» до этого в советское время в России не были переведены. Следует отметить, что особенно сравнение с Ницше является острой критикой Камю, так как Ницше в Советском Союзе долго считали пророком нацизма (Glatzer Rosenthal 1994: 1). Опять-таки, при выражении такой критики, роль Камю в Сопротивлении, в борьбе против фашизма совсем оставлена без внимания. Камю на самом деле сам хорошо ощутил, что его слова легко можно воспринимать в неправильном свете, и в предисловии к первому зарубежному изданию писем он пытался как можно лучше объяснить контекст и нюансы текста (Камю 1990 б), который, на самом деле, на его собственный взгляд, являлся критикой нацистской Германии (Vanneu s.d. a).

«Возвращение в Типаса», «Миндальные рощи», «Прометей в аду» и «Изгнанничество Елены» (четыре из пяти рассказов сборника «Лето») также вошли в «Избранное». Согласно Великовскому (1989) в «Лето» Камю тосковал «по минувшим дням молодости в Алжире», в каком-либо стремлении избежать от реальности. Кроме того, отношение Великовского (Ibid.) к сборнику кажется довольно нейтральным, что возможно было связано с более легким, и в связи с этим, с более доступным характером этого сборника, в котором философское содержание, по-видимому, отсутствует.

В 1989-м году был опубликован новый сборник «Сочинения», в состав которого вошли крупнейшие произведения, вошедшие в «Избранное»: «Посторонний», «Чума», «Падение» и эссе «Кириллов» (из «Миф о Сизифе»). К этому еще добавились пьеса «Калигула» (Фр. 1944), эссе «Надежда и абсурд в творчестве Франца Кафки» (из «Миф о Сизифе») и очерк «Краткий путеводитель по городам без прошлого» (из сборника «Лето»). В описании книги (Livelib 2013¹⁵) отмечается, что эти произведения дают представление об основных жанрах, к которым обращался Камю.

В дальнейшем опять только обсуждаются те переводы, которые еще не были рассмотрены. В «Кириллове», эссе из «Миф о Сизифе», Камю показывает как

¹⁴ В переводе И.Я.Волевич.

¹⁵ <http://www.Livelib.ru/book/1000325923>

Кириллов, персонаж из романа Достоевского («Бесы»), испытывает проблему Абсурда. Общее восприятие «Миф о Сизифе» уже обсуждалось в предыдущих абзацах, однако интересно отмечать, что в данном сборнике из «Мифа о Сизифе» включаются только «Кириллов» и «Надежда и абсурд в творчестве Франца Кафки». Можно предположить, что эссе «Кириллов» считалось интересным для русского читателя, из-за тесной связи с русской культурой.

В «Сочинения» также вошел рассказ «Краткий путеводитель по городам без прошлого», входящий в сборник «Лето», восприятие которого уже обсуждалось. Что касается «Калигула», Великовский в 1973-м году описал пьесу как «историю верховного самоубийства (...), которая в высшей степени человечна и трагична». Исходя из этого можно сделать вывод, что пьеса из-за этих элементов и мотивов не была переведена раньше в советское время, по тем же причинам как «Миф о Сизифе», и что если она была переведена в конце восьмидесятых годов, это было связано с ее значительностью в творчестве Камю, и в частности в «Цикле Абсурда».

В 1990-м году, по полученным данным, в России появился еще сборник произведений Камю под названием «Творчество и свобода. Статьи, эссе, записные книжки.». В данный сборник вошли «Миф о Сизифе», «Творчество и свобода. Критические эссе», «Шведские речи» и «Записные Книжки». В описании данного сборника (Камю 1990 а: 4) замечается, что он включает произведения писателя, наиболее отражающие его художественные, философские эстетические взгляды, помогающие понять его творческую индивидуальность. Согласно Долгову (1990: 27) данное издание явилось первой и запоздалой встречей с давно ожидаемым автором, что, кажется, свидетельствует об относительно позитивном восприятии сборника. В дальнейшем только рассмотрим «Творчество и свобода», «Шведские речи» и «Записные Книжки».

«Творчество и свобода» (Фр. 1953) является частью сборника «Злободневные заметки» («Actuelles II»), в который вошла публицистика Камю за период 1948-1953. В «Творчество и свобода» Камю выражает идеи о значимости писателя и артиста в обществе, о его роли не только творца, но и гражданина, об ангажированности (Vanneu s.d. b). Интересно отмечать, что, несмотря на то, что согласно Vanney (Ibid.) «Злободневные заметки 1948-1953» во Франции являлся наименее популярным из трех томов «Злободневные заметки», все-таки в России была опубликована часть из этого тома. Vanney (Ibid.) отмечает, что данный том имеет ключевое значение для того,

чтобы понять идеи свободолюбия в творчестве Камю и его политическую ориентацию, т. е. левую и в то же время противостоящую коммунизму. С нужной осторожностью можно предполагать, что такие темы, как свобода, место и роль индивида и артиста в обществе, политическое позиционирование левого социального интеллектуала, и пр., являлись довольно актуальными в России накануне распада Советского Союза.

О «Записных книжках», Долгов (1990: 26) в предисловии к сборнику отмечает, что они выражают основные проблемы, которыми занимался Камю на протяжении всей своей жизни, что они имеют «непреходящую ценность» и вызывают «неизменный интерес». В этом проявляется положительное отношение к книжкам. Что касается «Шведских речей» («Discours de Suède»), которые были произнесенными Камю при получении Нобелевской премии по литературе в 1957-м году, их долго не переводили в СССР, потому, что в них Камю открыто критиковал советский подход к искусству и социалистический реализм (Tall 1979: 247). Однако, во время перестройки, социалистический реализм уже больше не являлся единственной правильной формой искусства, так что критика Камю в то время уже не несла никакого, или по крайней мере не такого оскорбительного характера.

В 1990-м году, под названием «Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство.», появился еще один сборник произведений Камю – по полученному списку, последний до распада Советского Союза. В состав данного сборника вошли «Миф о Сизифе», «Письма к немецкому другу», «Шведские речи» и «Бунтующий Человек» (Фр. 1951). Сразу отмечается, что разные произведения, включенные в данный сборник до перестройки в советское время все по разным причинам являлись довольно полемическими.

Когда «Бунтующий человек» был издан во Франции, это вызвало огромную волну критики со всех сторон, левых и правых. В описании книги на сайте «Озон»¹⁶, отмечается, что в коммунистическом лагере считали, что в данном произведении Камю пропагандировал террористические акты против СССР, что он принял сторону американцев и являлся «поджигателем войны». В этих обвинениях, наверное, кроются основные причины того, что согласно Пятигорскому (Кобрин 2014) сочинение «Бунтующий человек» в советское время было строго запрещено. То, что книга,

¹⁶ <http://www.ozon.ru/context/detail/id/2348900/>

наконец, была переведена в 1990-м году, еще раз свидетельствует о том, что уже в то время, общество и общественные нормы были совсем другими.

4.2.3 Краткие выводы

Как показало обсуждение общего восприятия Камю, до шестидесятых годов в СССР довольно критически относились к автору, что по большей части было связано с его критическим отношением к действиям Советского Союза. К концу «хрущевской оттепели» и после смерти Камю, мало-помалу появились первые книги и статьи о творчестве автора. Несмотря на это, мнения среди критиков разошлись; некоторые рассматривали Камю и его произведения лишь как продукт буржуазного общества и считали его влияние крайне нежелательным; другие признали Камю как талантливого автора, и отмечали, что в некоторой степени он защищал те же самые ценности, что и коммунизм – он выступал против западного капитализма и буржуазии, и его творчество являлось реалистическим.

При рассмотрении *таблицы 2* сразу отмечается, что кроме перевода «Посторонний», изданного в журнале «ИЛ», все другие переводы Камю были изданы в виде сборников. Это является довольно интересным явлением, которое, скорее всего, было связано с тем, что сборник является идеальным способом для предоставления читателю как можно больше разных и репрезентативных произведений какого-то автора.

Также бросается в глаза, что в две первые публикации Камю в 1968-м и 1969-м году входит значительное количество переводов разных произведений. Однако стоит упомянуть о том, что на решение перевести три из самых значительных переводов, опубликованных в тот период (т. е. «Чума», «Падение» и «Посторонний»), возможно повлиял тот факт, что их можно было использовать в борьбе против Запада, так как они все, тем или иным путем, бросают тень на капиталистическое, западное общество. После этого, Камю в Советском Союзе на протяжении примерно двадцать лет не издавался, и это объясняется не только тем, что после майских событий в СССР опасались влияния экзистенциализма и подобных течений, но и периодом «застоя» в советской экономике и политике того времени.

При анализе результатов также стало ясным, что начиная с 1988-го года, в России появились в свет более полемические и философские произведения Камю, такие как

«Миф о Сизифе», «Калигула», «Письма к немецкому другу», «Шведские речи» или «Бунтующий человек». В предисловиях к разным сборникам также было отмечено, что отношение к Камю и его творчеству в то время больше не звучало так критически как раньше, из чего явствовало, что ситуация в России уже в то время была совсем другой, и что раньше не разрешенные темы уже больше не находились под запретом.

Можно заключить, что, несмотря на то, что иногда только были переведены части сборников Камю, к 1991-му году, советскому читателю уже было доступно значительное количество его произведений. Отмечается, что только два значительных произведения, оставленных без внимания: «Счастливая смерть» и «Праведники», что в целом оказывается достаточно мало. На основании результатов, кажется, что, несмотря на раннюю советскую критику Камю, к перестройке его творчество в России ценилось и считалось достойным переводить.

4.3 Сравнительное обсуждение

Отдельное восприятие Сартра и Камю было обсуждено в предыдущих пунктах. В данном разделе кратко сравнивается восприятие двух авторов на основе этих обсуждений. Сразу отмечаем, что на протяжении советского времени отношение к двум авторам было переменным, и, несмотря на то, что их восприятие во многих отношениях похоже, также заметны и некоторые нюансы и различия в их советской судьбе.

В пятидесятые годы в Советском Союзе выпускались в свет первые переводы Сартра. Знакомства с Камю советскому читателю пришлось ждать еще примерно десять лет. Отношение к Сартру в то время было довольно положительным, автор сотрудничал с коммунистической партией и позитивно относился к Советскому Союзу, в отличие от Камю, который открыто критиковал Советский Союз, коммунизм, сталинизм, и пр. Критика этого периода, против Сартра, как показано в данном исследовании, в основном была связана с его экзистенциалистской философией, а не с его личностью.

Отношение к Камю, после издания его первых переводов в СССР, было более двусмысленным, чем к Сартру, и критика (например Великовского) часто была направлена против него лично как человека. Возможно, тогдашнее различие в восприятии двух авторов было связано не только с их политическими убеждениями, но

и с тем, что, в то время как некоторые из произведений Сартра однозначно являлись прокоммунистическими, произведения Камю все являлись менее однозначными, со «скрытым» пессимизмом, в результате чего, он продолжал восприниматься с подозрением в глазах цензуры даже когда он критиковал западное капиталистическое буржуазное общество.

Кроме того, отмечается, что первые произведения двух авторов, которые были изданы в СССР, не всегда являлись самыми репрезентативными в их творчестве, особенно в случае Сартра: до перестройки, кроме «Слов», все его значительные произведения были оставлены без внимания. Предполагается, что это привело к тому, что в Советском Союзе в то время сформировалось «искаженное представление»¹⁷ об авторе, которое совсем не совпадало с «реальным Сартром». В отличие от Сартра, произведения Камю, изданные в то время (в особенности «Посторонний», «Падение» и «Чума»), были довольно представительными для его творчества и философии. В свою очередь, по всей вероятности, это привело к более реалистическому представлению Камю в Советском Союзе. Однако, как уже было отмечено, восприятие Камю сопровождалось острой критикой. Мы предполагаем, что эта критика имела определенную цель: она должна была «очищать» изданные произведения автора от всего «плохого», «грязного», «нежелательного» и подчеркивать «хорошее», чтобы подтолкнуть читателей к определенному, одобряемому поведению к Камю. Исходя из этого, можно предполагать, что критика в адрес Сартра являлась менее острой, потому, что в СССР долгое время был доступен только коммунистический Сартр. Однако предположение о том, что в СССР предпочитали Сартра Камю, вызывает сомнения. На самом деле, даже может показаться, что, наоборот, влияние «неоднозначного, мрачного и пессимистического» Камю считалось менее нежелательным или вредным коммунизму, чем влияние «другого, некоммунистического» Сартра, которого, по нашим данным, до перестройки никогда не допускали к публикации.

¹⁷ Bagno & Kazanskij (2011: 2088) отмечают, что явление «искаженного представления» являлось особенностью в литературном процессе в СССР, появившееся из-за дисбаланса между, с одной стороны, тенденциями в современной, модернистской литературе (которая в ограниченной степени была доступной советскому читателю), а с другой стороны, противоположна ей советской «дидактической» литературой. В подробностях понятие «искаженного представления» Bagno & Kazanskij (Ibid.) не обсуждается, но оно используется в подобном контексте. У нас "искаженное представление" также возникает из-за дисбаланса, а в частности, между экзистенциалистскими и советскими ценностями, между показанным и действительным.

Несмотря на критику, и на то, что издавались только определенные произведения, в целом можно отметить, что в шестидесятые годы в советском обществе все-таки знали двух авторов:

Книги Жан-Поль Сартра и Альбера Камю были, разумеется, известны в СССР. В 1960-е годы они были даже доступны на французском языке в книжном магазине на улице Веснина в Москве. На русском же издавались чаще их пьесы и проза, но я отлично помню, что на семинарах по современной философии на филфаке МГУ в 60-е годы мы говорили и об экзистенциализме Сартра, Камю, христианском экзистенциализме Габриэля Марселя, Л. Шестова, Н. Бердяева. (Авеличев 20.05.2014)

С 1968-1969-го года, и Сартр, и Камю на протяжении многих лет попали в забвение в Советском Союзе, что по большей части было связано с майскими событиями 1968-го года, с периодом «застоя» в СССР, и дополнительно для Сартра, с формальным отказом автора от коммунизма и СССР в том же году.

С наступлением перестройки, как Сартр, так и Камю снова стали переводиться в Советском Союзе. Впервые в стране также появились их более литературно-критические и значительные произведения, особенно Камю. Из более значительных и еще непереведенных произведений Сартра в тот период на самом деле в свет был выпущен только роман «Тошнота», тогда как в тот же самый период переводились почти все значительные произведения Камю (полностью или частично). Это дает возможность предположить, что даже если всеобщая тенденция была той же самой, опять-таки отношение к двум авторам несколько отличалось. В то время как Камю постоянно издавали на протяжении всего периода, к Сартру по нашим результатам продолжали относиться с осторожностью. Это довольно трудно объяснить, потому, что даже если идеологическая норма во время перестройки продолжала играть ограниченную роль в области культуры, то тогда как объяснить, что Камю переводился, а Сартр практически был оставлен без внимания? В дальнейшем, мы пытаемся сформулировать несколько гипотетических ответов на данный вопрос.

Возможно, если Камю во время перестройки больше переводился, чем Сартр, это было связано с тем, что впервые за многие годы учитывался спрос читателей, и что Камю среди них являлся более популярным, чем Сартр. Если данное предположение является

правильным, или по крайней мере для него имеется какое-то основание, то тогда оно, возможно, может до некоторой степени объясниться тем, что «реального Сартра» в СССР еще не знали. Представление об авторе являлось искаженным: Сартром, который был знакомым всем (на основе переводов в *таблице 1*) до перестроечного времени, являлся «коммунистический» Сартр, а не Сартр – философ или защитник свободы и индивидуализма. С наступлением новых времен, возможно, что издательства и читатели, зная или не зная этого другого Сартра, предпочитали обращаться к «другому», к «новому», к еще «неизвестным» и более «экзотическим» писателям, а не к так сильно напоминающим им о коммунизме. Однако, как уже отмечалось, к данным предположениям следует относиться с некой осторожностью, и к сожалению, на их основе мы не можем прийти к окончательным выводам.

4.4 Издательства

В дальнейшем кратко рассматривается, какими издательствами были изданы произведения Сартра и Камю в советское время, так как нам кажется, что и это является уместным при рассмотрении восприятия двух авторов.

При анализе таблицы переводов Сартра (*таблица 1*), сразу отмечается, что, по полученным результатам, он был в основном издан журналом «Иностранная литература» и издательством «Искусство». Также наблюдается, что впервые в России он был издан «Издательством иностранной литературы» («ИИЛ»), и позже еще раз издательством «Прогресс», которое на самом деле возникло после реорганизации «Издательство иностранной литературы» в шестидесятые годы. Также видно, что в конце восьмидесятых годов Сартр был издан издательством «Политиздат».

При рассмотрении *таблицы 2* с переводами Камю, бросается в глаза, что и Камю был издан журналом «Иностранная литература» и издательством «Прогресс». Также отмечается, что два раза он был издан издательством «Радуга», которое в свою очередь на самом деле возникло после разделения издательства «Прогресс» в 1982-м году. Кроме того, видим, что Камю один раз был опубликован издательством «Прометей» и, как и Сартр к концу восьмидесятых годов, издательством «Политиздат».

Интересно отмечать, что, по-видимому, большинство произведений двух авторов были изданы той же самой группой издательств, т.е. журналом «ИЛ», «Издательством

иностранной литературы» и возникшими из него «Прогресс» и позже «Радуга». Также можно отметить, что Сартр два раза был издан издательством «Искусство» и что оба автора в тот же самый период были изданы издательством «Политиздат». В дальнейшем рассматриваются отдельные издательства и делается попытка выяснить вышеизложенные наблюдения.

Сначала, рассматривается журнал «Иностранная литература», который одним из первых издал переводы Сартра в 1955-м и Камю в 1968-м году. Интересное явление, что перевод Сартра был издан в самом первом номере журнала. В этом, на наш взгляд, ясно проявляется цель этого нового журнала знакомить русского читателя с новинками и с классиками зарубежной литературы, которые до того времени в СССР находились под запретом (Алексеева 2004: 118). Русская публика была познакомлена с Сартром и Камю этим журналом, и по нашим данным, два автора стали больше издаваться в России другими издательствами только после их публикации в «ИЛ». Правда, первые переводы, опубликованные журналом в пятидесятые-шестидесятые годы (т. е. «Лиззи» в 1955-м году для Сартра и «Посторонний» в 1968-м году для Камю) не являлись наиболее представительными произведениями двух авторов. Однако важно принимать во внимание, что если Сартр и Камю до того времени были запрещены в России, нельзя было ожидать, что сразу будут переведены их самые литературно-критические работы. Из результатов видно, что цензура была готова допустить переводы Сартра и Камю, однако только переводы произведений, не представлявших угрозу коммунизму.

Несмотря на то, что журнал «ИЛ» сыграл важную роль в ознакомлении русского читателя с Сартром, по полученным данным автор впервые был издан в 1953-м году «Издательством иностранной литературы». Это являлось государственным издательством, направленным на издание на русском языке «зарубежных публикаций, отражающих достижения и уровень мировой науки того времени» (Гусев 2003). Данным издательством в основном были опубликованы научные тексты о физике, химии, и пр. (Ibid.) и учитывая это, может показаться немного странным, что в 1953-м году оно опубликовало перевод Сартра. Однако Галковский (1993) отмечает, что в тот период «ИИЛ» начало выпускать переводы ведущих западных философов XX-го века, и возможно перевод Сартра издавался в этом контексте. О самом Сартре Галковский не упоминает, однако он называет три имени: Виттенштейн, Карнап и Рассел. При рассмотрении философских и политических убеждений этих трех философов, отмечается, что, как и Сартр, они все имели какую-то связь с социализмом, с

марксизмом. Виттенштейн являлся левым интеллектуалом, который сам считал себя убежденным коммунистом. Кроме того, он часто выражал свою симпатию Советскому Союзу (Waught 2009). Карнап также являлся левым философом, считал себя социалистом (Struan & Karl-Heinz 1990: 175), и его философия в некоторой степени была связанной с марксизмом (De Wolf 2009). Что касается Рассела, несмотря на то, что он более критически относился к СССР и сталинизму, он также являлся левым, социальным философом и не верил в капитализм (Irvine 2013). Исходя из вышеизложенного можно отметить, что в данной серии издавали только ведущих *левых* западных философов XX-го века. Из чего можно сделать вывод, что если они были опубликованы, то тогда это скорее всего было связано с их политическими убеждениями. Кроме того, Галковский (1993) замечает об этих философских переводах, что они были снабжены грифом «Для научных библиотек», из чего можно сделать вывод, что перевод Сартра, изданный «ИИЛ» в 1953-м году (и переводы других вышеупомянутых философов), был доступен советскому читателю, но лишь в ограниченной степени.

В 1964-м году, после того как годом раньше была реорганизована издательская деятельность (Куприянова 2003), «ИИЛ» разделилось на два издательства, в том числе «Прогресс» (Мироненко 1997: 246). В издательстве «Прогресс» во второй половине шестидесятых годов, были опубликованы «Слова» Сартра и сборник «Избранное» с произведениями Камю. Данное издательство специализировалось на издании гуманитарной (в основном идеологической) литературы на иностранных языках и переведенной литературы того же самого типа (Livelib 2013¹⁸). Отмечается, что публикации Сартра и Камю в данном случае соответствует специализации¹⁹ издательства, которое в те годы было основным поставщиком зарубежной философской литературы на советский книжный рынок (Авеличев 20.05.2014). Также

¹⁸ <http://www.livelib.ru/publisher/946>

¹⁹ Издательство «Прогресс» предлагало разнообразные серии книг, в том числе «Современная зарубежная литература», «Политический роман», «Библиотека литературы США», «Мастера современной прозы», «Библиотека польской литературы», «Библиотека финской литературы», «Библиотека венгерской литературы», «Библиотека югославской литературы», «Библиотека вьетнамской литературы», «Библиотека кубинской литературы», и др. (Livelib 2013). Отмечается, что почти все серии-библиотеки иностранных литератур, по-видимому, либо рассматривали литературы тогдашних социалистических стран, либо литературы стран, имевших связи с СССР (напр. Куба, Вьетнам), что предполагает, что уделялось большее внимание тем странам, в которых Советский Союз пользовался значительным влиянием. Однако также отмечается, что существовала, например, «Библиотека литературы США», и так как мы не располагаем полным списком серий, произведений, авторов, изданных издательством «Прогресс», трудно сформулировать окончательные выводы по поводу возможной «левой» политической ориентации данного издательства. В то же время нельзя забывать, что речь идет о советском периоде, в котором коммунизм являлся идеологической нормой.

стоит упомянуть о том, что ни «Слова», ни «Избранное» не принадлежат к литературно-критическим работам двух авторов, однако, возможно это не зависит в такой степени от издательства, как от того, что в то время в СССР еще довольно осторожно и критически относились к Сартру и Камю. В 1982-м году «Прогресс» было разделено на два специализированных издательства, «Прогресс» (научная и общественно-политическая литература) и «Радуга» (художественная литература) (Мироненко 1997: 251; Livelib 2013²⁰). По полученным данным, «Радуга» во время перестройки опубликовало еще два сборника произведений Камю, в которые впервые включались его более критические и полемические работы, что в то время по всей вероятности было связано с новой политической ситуацией в СССР.

Еще не было уделено внимание издательству «Искусство», издававшему Сартра два раза в пятидесятые-шестидесятые годы. Данное издательство в то время выпускало литературно-художественное наследие крупнейших мастеров, в том числе собрания сочинений и пьес русских и иностранных авторов и драматургов (Livelib 2013²¹). Издательством «Искусство» были опубликованы разные пьесы Сартра: в 1955-м году отдельно была издана пьеса «Только правда. (Некрасов)», а в 1967-м году сборник «Пьесы». Интересно, что Сартра издали так быстро после смерти Сталина, однако как отмечалось в разделе об обсуждении переводов Сартра, некоторые из этих пьес можно было воспринимать как просоветскую пропаганду, и этим они хорошо отвечали задаче, поставленной ЦК ВКП(б) издательствам в конце сороковых годов: «театр может выполнить свою важную роль в деле воспитания трудящихся только в том случае, если он будет активно пропагандировать политику советского государства, которая является жизненной основой советского строя» (Оргбюро ЦК ВКП(б) 1946).

Учитывая советскую судьбу Сартра и Камю, является довольно интересным и даже удивительным, что оба автора к концу советского периода были изданы издательством «Политиздат», явившимся центральным партийным издательством Советского Союза. Оно являлось направленным на издание официальной общественно-политической литературы, в том числе классиков марксизма, партийных документов, марксистско-ленинских философских работы, и пр. (Тропкин 1975). Перевод Сартра, опубликованный издательством «Политиздат», вошел в сборник «Сумерки Богов», который являлся одним из двадцати шести книг в книжной серии «Библиотека

²⁰ <http://www.livelib.ru/publisher/149>

²¹ <http://www.livelib.ru/publisher/772>

атеистической литературы». Серия книг, состоявшая только из атеистической литературы, в семидесятые и восьмидесятые годы являлась инструментом советской антирелигиозной пропаганды. В тот же самый сборник²² на самом деле вошел перевод «Мифа о Сизифе» Камю, о котором в данной работе еще не упоминалось потому, что этот перевод уже был включен в другой сборник. Если рассмотреть только эти два перевода Сартра и Камю, то создается впечатление, что «Политиздат» их издавало «только» потому, что атеистическое содержание двух текстов по-своему соответствовало «коммунистическим целям» серии, в которую вошел сборник. Однако, при ближайшем рассмотрении списка переводов Камю, отмечается, что издательством «Политиздат» также был издан сборник «Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство.», в который вошли некоторые из самых полемических текстов Камю в советское время («Шведские речи», «Письма к немецкому другу», «Бунтующий человек»). Это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что даже в партийном издательстве, к концу советского времени, по-видимому, ценности и нормы стали изменяться.

А. Авеличев, директор издательства "Прогресс" с 1987-ого года по 1996-ый год, с которым мы общались по электронной почте (20.05.2014), подтверждал данные предположения:

Сильные редакции философской литературы существовали в издательстве "Политиздат", [...], которое, будучи официальным издательством ЦК КПСС, было вынуждено очень строго фильтровать и отбирать авторов и сюжеты. Из зарубежных авторов (вплоть до начала перестройки) Политиздат издавал преимущественно книги (речи и статьи) руководителей коммунистических и рабочих партий различных стран. Были, разумеется и исключения, но они не делали погоды. [...] Нет ничего удивительного в том, что "Политиздат" после прихода в Кремль М.Горбачева спешил издать все то, что еще не было издано при советской власти. Мы все тогда спешили, понимая, что перестройка дана нам ненадолго и нужно успеть. К сожалению, мы не ошиблись.

²² В данный сборник («Сумерки Богов») также вошли произведения Ницше, Фрейд и Фромм, к которым, несомненно, также критически относились в СССР. В случае Ницше, это было связано не только с тем, что автор защищал индивидуализм, самореализацию, свободное художественное творчество, но и с тем, что в СССР его считали «пророком нацизма» (Glatzer Rosenthal 1994: 1). Что касается Фрейда, критика в его адрес в советское время в основном была связанной с тем, что идеи и психоанализ Фрейда считались крайне нежелательными и вульгарными, центральную роль сексуальности в его работе рассматривали как выражение декаданса западной буржуазной культуры (Brenner 1999). Фромм наверняка являлся наименее полемическим из трех авторов. Несмотря на то, что он не верил ни в капитализм, ни в коммунизм, все-таки он являлся левым и социальным гуманистом (Funk 1982: 5). Можно заключить, что, тот факт, что Ницше и Фрейд также вошли в «Сумерки Богов» подтверждает наше предположение, что нормы партийного издательства (и в связи с этим внутривнутрипартийные нормы) к 1990-м годам были совсем другими.

Издательство «Прометей» издало «Сочинения» Камю в 1989-м году. Данное издательство в то время еще являлось довольно молодым. В отличие от вышепредставленных издательств, оно не являлось таким специализированным и выпускало ассортимент изданий различного профиля: от художественной до узкоспециализированной литературы (Livelib 2013²³). Издательство в основном было направленно на издание гуманитарно-эстетической литературы по философии, истории, и пр., но оно также активно издавало фантастику (Ibid.). Кажется, что это новое издательство со своим большим ассортиментом в основном имело целью отвечать спросу тогдашних советских читателей, и в то время, это значило познакомить читателей с долго запрещенными авторами (Алексеева 2004: 120), такими как, например, Камю.

Таким образом стало ясно, что Сартр и Камю в советский период большинство времени были изданы теми же самыми издательствами (т. е. журнал «Иностранная литература» и «Издательство иностранной литературы», «Прогресс» и «Радуга» (три последние, являющиеся потомками того же самого издательства)). Это явление можно толковать тем фактом, что в советское время существовала плановая экономика, где издательская деятельность, как и все другие области, являлась централизованной. Это сделало возможным для государства осуществлять контроль над тем, что издавалось (Möldre 2005: 17). С этой целью в шестидесятые годы также была реорганизована издательская деятельность, после чего каждое издательство имело строго определенное направление (Ibid.), что ясно проявляется в наших результатах. Новую тенденцию в сегментации советского рынка можно проследить в восьмидесятые годы, в том смысле, что в тот период Камю и Сартр, по результатам, также стали издаваться другими издательствами («Политиздат» и «Прометей»). Однако данное исследование является слишком мелкомасштабным, чтобы прийти к окончательным выводам по этому поводу.

4.5 Нормы

В разделе о теоретической основе данной работы (см. 3.2) упоминалось о том, что, по мнению израильского теоретика Toury, процесс перевода находится под влиянием социально-культурного контекста, в котором он возникает, и на него влияют ограничения разных типов, в том числе нормы перевода. Существуют разные типы норм, однако в данной работе, из-за вышеизложенных причин (см. 3.2),

²³ <http://www.livelib.ru/publisher/1251>

рассматриваются только «предварительные нормы», и в частности нормы, связанные с переводческой политикой и действительностью.

Нормы, которые повлияли на решение перевести и на восприятие Сартра и Камю в советское время, на самом деле уже имплицитно обсуждались в отдельных разделах о творчестве этих двух авторов в СССР. В дальнейшем кратко повторяется то, что уже имплицитно или эксплицитно было отмечено, и в добавление к этому сформулировано несколько дополнительных выводов.

Отмечалось, что в пятидесятые-шестидесятые годы, решение перевести Сартра и Камю сильно зависело от содержания их работ. Первые произведения Сартра и Камю, переведенные в то время тем или иным путем можно было использовать в качестве пропагандистского инструмента в пользу СССР, или по крайней мере, в борьбе против капиталистического и буржуазного запада. Из этого видно, что нормы в то время являлись тесно связанными с идеологическими соображениями и имели преимущественно политический характер. Что касается более общего понятия «культурных препятствий», оказалось, что в основном они имели символистический или политический характер, и, кажется, что экономический фактор в советский период почти не влиял на решение перевести какое-либо произведение. Следовательно, мы можем сделать вывод, что, как уже было отмечено Sapirō (2008:205), в странах, где экономическое «поле» подлежит политическому и где, в результате, культурная продукция находится в руках государства, перевод является инструментом властителей для пропаганды господствующей идеологии.

Также отмечалось, что с наступлением перестройки мало-помалу стали выпускаться переводы текстов, не соответствующих или менее соответствующих коммунистической идеологии, что связано с изменившимися политическими и экономическими контекстами. Переход к рыночной экономике, таким образом, обеспечивал развитие более либеральных норм, среди которых пропаганда потеряла свою доминирующую позицию. Тем не менее, в отличие от Камю, значительное количество произведений Сартра к 1991-м году остались непереведенными, что приводит к предположению, что «подпольная» общественно-идеологическая норма еще продолжала некоторое время играть роль.

5 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе на основе переводов исследовалось, каково было восприятие французских экзистенциалистов Ж.-П. Сартра и А. Камю в России на протяжении советского времени.

До начала фактического исследования, в виде первоначальной контекстуализации, кратко излагались переводческая деятельность и всеобщее отношение к философии в СССР. Оказалось, что перевод в СССР являлся идеологическим делом, образом формирования общественного сознания и пропагандистским инструментом. Что касается отношения к философии, оказалось, что в СССР единственной правильной формой философии считался марксизм-ленинизм или, по крайней мере, философия, соответствовавшая коммунистическим идеалам. Конечно, в действительности все было намного более нюансировано, и ситуация, и в области перевода, и в области философии, на протяжении советского времени в зависимости от политических настроений являлась переменной.

Оказалось, что всеобщая тенденция в восприятии Сартра и Камю в СССР являлась похожей. Они оба впервые были изданы в России в пятидесятые-шестидесятые годы, после чего они с 1968-1969-го года на протяжении многих лет не переводились, и опять только стали издаваться с наступлением перестройки.

Оба автора впервые были переведены в СССР только после смерти Сталина, и их политические убеждения повлияли на их восприятие в России в пятидесятые-шестидесятые годы: Сартр в то время являлся «защитником СССР» и это одобрялось, Камю выступал против Советского Союза, в результате чего, его дольше, чем Сартра не переводили и более остро критиковали. Несмотря на это, первые переводы двух авторов, изданные в СССР, тем или иным путем, можно было использовать в борьбе против капиталистического Запада. В этом проявляется двойственное отношение к французским экзистенциалистам в СССР. «Плохое» и «нежелательное», т. е. в случае Сартра его критика марксизма и его внимание к свободе, а в случае Камю, пессимистический, индивидуалистический и безразличный характер его произведений, подвергался острой критике, в то время как «хорошее», т. е. «прокоммунистические» элементы, подчеркивалось, что привело к представлению авторов, не всегда соответствовавшему действительности. Созданное представление оказалось различным

для двух авторов. Тогда как в пятидесятые-шестидесятые годы русскому читателю были почти исключительно доступны более «коммунистические» произведения Сартра, доступные произведения Камю имели более разнообразный характер, и были более представительными в его творчестве. Тем не менее, более литературно-критические и философские произведения, в случае двух авторов, выпускались в свет только во время перестройки, после того как Сартр и Камю в СССР примерно двадцать лет обошли молчанием. Отмечается, что после 1968-1969-го года их надолго перестали переводить. Это было связано с майскими событиями 1968-го года, в которых Сартр и французский экзистенциализм, а по ассоциации и Камю, сыграли важную роль. К этому еще добавился период «застоя» в советской экономике, политике и культуре того времени.

Мы также отметили, что созданное представление двух авторов в пятидесятые-шестидесятые годы, вероятно, продолжало влиять на их восприятие во время перестройки, когда Камю, по нашим результатам, переводили намного больше, чем Сартра, который для настроений того времени возможно слишком много ассоциировался с коммунизмом. Однако, несмотря на количество переводов двух авторов во время перестройки, отмечалось, что отношение к двум авторам в тот период в основном являлось положительным.

Также оказалось, что нормы, повлиявшие на решение перевести и на восприятие Сартра и Камю, в пятидесятые-шестидесятые годы, в основном имели идеологическую основу. Кроме того, было отмечено, что два автора на протяжении советского времени были изданы той же самой маленькой группой издательств, что было связано с тем, что в советский период издательская деятельность была централизованной, и что каждое издательство имело строго определенное направление. Отмечалось, что к концу восьмидесятых годов, нормы мало-помалу изменялись и список издательств расширялся, что было связано с «горбачевской либерализацией» и с переходом к рыночной экономике.

Мы заключаем данную работу, отмечая, что восприятие Сартра и Камю в Советском Союзе несомненно является многослойным и многосторонним явлением, которое необходимо рассматривать в исторически-общественном контексте, в котором оно возникло. В рамках доступных нам средств и времени, мы попытались как можно лучше ответить на поставленные нами вопросы, однако, несмотря на наши усилия, нам

приходится признать, что остаются много пробелов, оставшихся без ответа вопросов и наблюдений. Восприятие Сартра и Камю в советское время в то же время является крайним интересным и сложным явлением, и мы надеемся, что данная работа, со своими ограничениями, все-таки может формировать основу для дальнейшего исследования по данной теме.

6 БИБЛИОГРАФИЯ

6.1 Список литературы

- Abramitzky, R. & Sin, I. (2010). Book translations as idea flows : The effects of the collapse of Communism on the diffusion of knowledge. Discussion Paper No. 09-032 by the Stanford Institute for Economic Policy Research (Stanford University). [Online]. http://www.stanford.edu/group/siepr/cgi-bin/siepr/?q=system/files/shared/pubs/papers/pdf/09-032_Paper_Abramitzky_Sin.pdf [10.04.2014].
- Arnold, J-C. (2002). L'édition en Russie. Etude de marché du Département Etudes du BIEF. [Online]. <http://www.bief.org/fichiers/operation/3295/media/7069/Etude%20Russie%202002.pdf> [10.04.2014].
- Aronson, R. (2011). Albert Camus. In E. N. Zalta (Ed.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford: Stanford University. [Online]. <http://plato.stanford.edu/entries/sartre/> [05.04.2014].
- Baer, B. J. & Olshanskaya, N. (2013). *Russian Writers on Translation : An Anthology*. Manchester: St. Jerome Publishing.
- Bagno, V. & Kazanskij, N. (2011). Die zeitgenössische russische Übersetzung, ihre Rolle in Russlands internationaler Verortung und bei der russischen Aneignung der Weltkultur. In H. Kittel, A. P. Frank et al. (Eds.), *Übersetzung : ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung* (pp. 2082-2090). Berlin-Boston : Walter de Gruyter.
- Baker, M. (Ed.) (1998). *The Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London and New York: Routledge.
- Bassnett, S. (2002). *Translation Studies*. Taylor & Francis e-Library. [Online]. http://books.google.be/books/about/Translation_Studies.html?id=w4BoVpik3qoC&redir_esc=y [20.04.2014].
- Baudelaire, C. (1997). *Le spleen de Paris*. Paris : Flammarion.
- Birchall, I. H. (2004). *Sartre against Stalinism*. New York: Berghahn Books.
- Brenner, F. (1999). Intrepid thought: psychoanalysis in the Soviet Union—Part 2. *World Socialist Web Site*. [Online]. <https://www.wsws.org/en/articles/1999/06/freuj12.html> [15.05.2014].
- Camus, A. (1958). *L'envers et l'endroit*. Paris : Gallimard.
- Camus, A. (1964). *Carnets II*. Paris : Gallimard
- Camus, A. (1985). Le mythe de Sysiphe. Paris : Gallimard. [Online]. http://schools.alcidsb.on.ca/teachers/mcbrjuli/gr12immersextend/Shared%20Documents/L%C3%89tranger/mythe_de_sisyphe.pdf [26.05.2014].
- Coates, J. B. (1953). Existentialism. *Philosophy*, 28(106), 229-238.
- Cohn, L. (1976). *La nature et l'homme dans l'œuvre d'Albert Camus et dans la pensée de Teilhard de Chardin*. Lausanne : Éditions L'Age d'homme
- Copleston, F. C. (1948). Existentialism. *Philosophy*, 23(84), 19-37.
- Craib, I. (1976). *Existentialism and sociology, a study of Jean-Paul Sartre*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Crowell, S. (2010). Existentialism. In E. N. Zalta (Ed.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford: Stanford University. [Online] <http://plato.stanford.edu/entries/existentialism/> [16.03.2014].
- De Beauvoir, S. (1948). *L'existentialisme et la sagesse des nations*. Paris : Les Editions Nagel
- Delacampagne, C. (2006). Retour sur Nekrassov. *MLN*, 121(4), 936-945
- Detrez, R. (2008). *Rusland. Een geschiedenis*. Antwerpen/Amsterdam: Houtekiet.

- De Wolf, A. (2009). Rudolf Carnap Politicized. [Online]. <http://againstpolitics.com/2009/07/02/rudolf-carnap-politicized/> [17.05.2014].
- Dosse, F. (1991). Le sujet captif entre existentialisme et structuralisme. *L'homme et la société* 101, 17-39.
- Dufrenne, M. (1965). Existentialism and Existentialisms. *Philosophy and Phenomenological Research*, 26(1), 51-62.
- East, B. (1984). *Albert Camus ou l'homme à la recherche d'une morale*. Montréal : Bellarmin.
- Encyclopedia Britannica. [Online]. <http://www.britannica.com/> [21.03.2014].
- Etudes Littéraires. Albert Camus (1913-1960), La Chute (1956). [Online]. <http://www.etudes-litteraires.com/la-chute.php> [17.05.2014].
- Even-Zohar, I. (1990). Polysystem studies. *Poetics today*, 11(1).
- Flynn, T. (2011). Jean-Paul Sartre. In E. N. Zalta (Ed.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford: Stanford University. [Online] <http://plato.stanford.edu/entries/sartre/> [20.03.2014].
- Foulquié, P. (1949). *L'existentialisme*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Friedberg, M., Watanabe, M. & Nakamoto, N. (1984). The Soviet Book Market : Supply and Demand. *Acta Slavica Iaponica*, 2, 177-192. [Online]. <http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/7941/1/KJ00000034083.pdf> [10.04.2014].
- Friedberg, M. (1997). *Literary Translation in Russia : A Cultural History*. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press.
- Funk, R. (1982). *Erich Fromm: the Courage to Be Human*. New-York: Continuum.
- Ginsburgh, V., Weber, S. & Weyers, S. (2011). The economics of literary translation : Some theory and evidence. *Poetics*, 39(3), 228-246.
- Glatzer Rosenthal, B. (1994). *Nietzsche and Soviet Culture. Ally and Adversary*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Granarolo, P. (2010). La Chute de Camus. Exposé durant la Commission Littérature de l'Académie du Var au Musée de la Marine de Toulon à l'occasion du cinquantième anniversaire de la mort d'Albert Camus. [Online]. <http://www.granarolo.fr/textes/conferences/301-la-chute-de-camus.html> [16.05.2014].
- Heilbron, J. (1999). Towards a Sociology of Translation : Book Translations as a Cultural World-System. *European Journal of Social Theory*, 2(4), 429-444.
- Index translationum. [Online] <http://www.unesco.org/xtrans/> [15.05.2014].
- Irvine, A. D. (2013). Bertrand Russel. In E. N. Zalta (Ed.) , *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford: Stanford University. [Online]. <http://plato.stanford.edu/entries/russell/> [15.05.2014].
- Kamenka, E. (1963). Philosophy in the Soviet Union. *Philosophy*, 38(143), 1-19.
- Kaufmann, W. (2004). *Existentialism from Dostoevsky to Sartre*. New York: Plume.
- Le Grand Robert de la langue française. [Online] <http://gr.bvdep.com/> [21.04.2014].
- L'Encyclopédie Larousse. Paris: Editions Larousse. [Online]. <http://www.larousse.fr/encyclopedie/> [20.03.2014].
- L'express. (s.d.) L'existentialisme est un humanisme. [Online]. http://fiches.lexpress.fr/livre/1/existentialisme-est-un-humanisme_404103 [25.04.2014].
- LiveLib. [Online]. <http://www.livelib.ru/> [20.05.2014]
- Merkle, D. (2004). Internal and External Pressures on the Translator: Relationship to Censorship. Working Discussion Paper, Université de Moncton. [Online] www.aicla.org/2004/Denise%20Merkle.doc [15.12.13].
- Möldre, A. (2005). Publishing and book distribution in Estonia in 1940-2000. Scriptie - Tallinn University. http://e-ait.tlulib.ee/111/1/moldre_aile2.pdf

- Ning, L. (2013). EST Translation Guided by Reception Theory. *Open Journal of Modern Linguistics*, 3(2), 114-118.
- Pym, A., Poupaud, S. & Torres Simón, E. (2009). Finding Translations. On the Use of Bibliographical Databases in Translation History. *Translators' Journal*, 54(2), 264-278.
- Sapiro, G. (2008). Normes de traduction et contraintes sociales. In A. Pym et al. (Eds.), *Beyond Descriptive Translation Studies* (pp. 199-208). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Sartre, J.-P. (1946). *L'existentialisme est un humanisme*. Paris: Editions Nagel.
- Spielberg, H. (1954). French existentialism: its social philosophies. *The Kenyon Review*, 16(3), 446-462.
- Stelmakh, V. D. (2001). Reading in the context of censorship in the Soviet Union. *Libraries & Culture*, 36(1), 143-151.
- Struan, J. & Karl-Heinz, O. (1990). Otto Neurath: Marxist Member of the Vienna Circle. *Auslegung: a journal of philosophy*, 16(2), 175-189.
- Tall, E. (1979). Camus in the Soviet Union: Some Recent Emigrés Speak. *Comparative Literature Studies*, 16(3), 237-249.
- Tall, E. (1980). Soviet Responses to Albert Camus, 1956-76. *Canadian Slavonic Papers*, 22(3), 319-337.
- Toury, G. (1995). *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing company.
- Toussaint, P. (2009). Le style contre les idées. Ongepubliceerde Syllabus – Institut des Dames de Marie.
- Vanney, P. (s.d. a). Lettres à un ami allemand (1945). Société des Etudes Camusiennes. [Online]. <http://www.etudes-camusiennes.fr/wordpress/1945/03/01/lettres-a-un-ami-allemand-1945/> [17.05.2014].
- Vanney, P. (s.d. b.) Actuelles II (1953). Société des Etudes Camusiennes. [Online]. <http://www.etudes-camusiennes.fr/wordpress/tag/actuelles-ii-1953-albert-camus/> [17.05.2014].
- Waight, A. (2009). *The House of Wittgenstein: A Family At War*. [Ebook]. http://books.google.be/books/about/The_House_of_Wittgenstein.html?id=BOcuYIyF8kC&redir_esc=y [15.05.2014].
- Wikipedia, The Free Encyclopedia. [Online]. <http://en.wikipedia.org/> [20.05.2014].
- Witt, S. (2011). Between the lines : Totalitarianism and translation in the USSR. In B. J. Baer et al. (Eds.), *Contexts, Subtexts and Pretexts : Literary Translation in Eastern Europe and Russia* (pp. 149-170). Amsterdam: Benjamins.
- Алексеева, И. С. (2004). *Введение в переводоведение*. Санкт-Петербург: Академия.
- Блох, А. М. (2005). *Советский Союз в интерьере нобелевских премий. Факты. Документы. Размышления. Комментарий*. Москва: Физматлит.
- Великовский, С. (1963). Внутренняя рецензия для издательства «Прогресс» на книгу: «Jean-Paul Sartre : Les Mots». [Online]. http://scepsis.net/library/id_1004.html [26.04.2014].
- Великовский, С. (1973). *Грани «несчастливого сознания»*. Театр, проза, философская эссеистика, эстетика Альбера Камю. Москва: Искусство. [Online]. <http://bookucheba.com/filosofiya-obschaya-uchebnik/grani-neschastnogo-soznaniya-teatr.html> [17.05.2014].
- Великовский, С. (1989). Проклятые вопросы Камю. In А. Камю, *Избранное: Повести. Роман. Рассказы и очерки*. Минск: s. p. [Online]. <http://www.philology.ru/literature3/velikovsky-89.htm> [17.05.2014].

- Галковский, Д. (1993). Лабиринты бесконечного тупика. [Online]. <http://www.samisdat.com/2/214-lab.htm> [15.05.2014].
- Глушченко, И. & Куренный, В. (2013). *Время, вперед! Культурная политика в СССР*. Москва: Издательство высшей школы экономики.
- Гусев, А. А. (2003). В Издательстве иностранной литературы. [Online]. <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/БИО/ЛЕОНТ/LEONT06.HTM> [15.05.2014].
- Долгов, К. (1990). Красота и Свобода в Творчестве Альбера Камю. In А. Камю, *Творчества и Свобода* (сс. 5-27). Москва: н. р.. [Online]. <http://books.google.be/books?id=6pz6AgAAQBAJ&pg=PA119&lpg=PA119&d=Творчество+и+свобода> [17.05.2014].
- Камю, Альбер. (1966). In Краткая Литературная Энциклопедия. Третье издание. Том 3. Москва: Издательство «советская энциклопедия».
- Камю, Альбер. (1973). In Большая Советская Энциклопедия. Третье издание. Том 11. Москва: Издательство «советская энциклопедия».
- Камю, А. (1990 а). *Творчества и Свобода*. Москва: н. р.. [Online]. <http://books.google.be/books?id=6pz6AgAAQBAJ&pg=PA119&lpg=PA119&d=Творчество+и+свобода> [17.05.2014].
- Камю, А. (1990 б). *Бунтующий человек*. Москва: Политиздат. [Online]. <http://www.lib.ru/INPROZ/КАМУ/letters.txt> [17.05.2014].
- Кобрин, К. (2014). Свободный философ Пятигорский. Архивный проект. Часть 53. «Бунтующий человек» Альбера Камю. [Online]. <http://www.svoboda.org/content/article/25263179.html> [17.05.2014].
- Краснов, В. (2004) *Жуков: Маршал Великой Империи*. Москва: ОЛМА-пресс.
- Кушкин, Е. (2013). «Бесы» на французской сцене. *Звезда 11*. [Online]. <http://magazines.russ.ru/zvezda/2013/11/11k-pr.html> [17.05.2014].
- Куприянова Т.Г. & Юрсова А.М. (2003). *История книжного дела*. Москва: Московский государственный университет печати. [Online]. http://www.anastasija-schulgina2011.narod.ru/book_1154/index.html [26.05.2014].
- Лекторский, В. А. & Огруцов, А. П. (s.d.). Философия в СССР и постсоветской России. [Online]. <http://iph.ras.ru/elib/3208.html> [18.04.2014].
- Мироненко, С. В. (1997). *Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. Том 3. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории СССР*. Москва: Редакционно-издательский отдел федеральных архивов. [Online]. <http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=203&sid=title> [26.05.2014].
- Нудельман, Ф. (2005). Сартр – автор своего времени? *Новое Литературное Обозрение, 76*. [Online]. <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/76/nu6.html> [20.03.2014].
- Озон. [Online]. <http://www.ozon.ru/> [18.05.2014].
- Оргбюро ЦК ВКП(б). (1946). Постановление "О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению" [Online]. <http://sovietera.net/archive/documents/theatre.php> [15.05.2014].
- Панков, Ю. (2012). Необычайные приключения живого классика. *Совершенно секретно, 9(280)*. [Online]. <http://sovsekretno.ru/articles/id/3235/> [30.04.2014].
- Под знаменем марксизма. (1975 а). In Большая Советская Энциклопедия. Третье издание. Том 20. Москва: Издательство «советская энциклопедия» Москва: Издательство «советская энциклопедия».
- Сартр, Ж.-П. (1964). Почему я отказался от премии. *За рубежом 45*. [Online]. <http://slovoidelo.narod.ru/neomarxism/sartre/why.htm> [5.04.2014].
- Сартр, Ж.-П. (1998). Идиот в семье. Гюстав Флобер от 1821 до 1857. СПб: Алетей.

- Сартр, Жан-Поль. (1955). In Большая Советская Энциклопедия. Второе издание. Том 38. Москва: Издательство «советская энциклопедия».
- Сартр, Жан-Поль. (1971). In Краткая Литературная Энциклопедия. Том 6. Москва: Издательство «советская энциклопедия».
- Сартр, Жан-Поль. (1975 б). In Большая Советская Энциклопедия. Третье издание. Том 22. Москва: Издательство «советская энциклопедия».
- Смирнова, Е. (2013). Поле для маневров? Философские переводы в СССР в 1970-е гг. (На примере французской философии). In *Конструкция «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы научной конференции студентов и аспирантов* (с. 124-130). СПб: Издательство Европейского университета.
- Схивия, А. (s.d.). Красный май 68. [Online]. <http://www.revolucia.ru/> [17.05.2014].
- Тарасов, А. (2008). 1968 год в свете нашего опыта. *Scepsis*. [Online]. http://scepsis.net/library/id_2274.html [17.05.2014].
- Тропкин, Н. В. (1975). Политиздат. БСЭ [Online]. <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Политиздат/> [15.05.2014].
- Хорт, А. (2007). *Любовь Орлова*. Москва: Издательство «Молодая Гвардия» [Online]. http://www.loveread.ec/read_book.php?id=22964&p=85 [26.04.2014].
- Шашков, Н., Ерохина, Л. и др. (s.d.). *ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ. Конспект лекций*. Владивостокский государственный университет. [Online]. http://abc.vvsu.ru/Books/Ist_fil/default.asp [27.03.2014].
- Экзистенциализм. (1957). In Большая Советская Энциклопедия. Второе издание. Том 48. Москва: Издательство «советская энциклопедия».
- Электронный каталог книг Научной Библиотеке Московского Государственного Университета. [Online]. <http://nbmgu.ru/search/> [05.04.2014].
- Электронный каталог книг Российской Государственной Библиотеки. [Online]. <http://www.rsl.ru/ru/s97/s339/> [05.04.2014].
- Юровская, Э. П. (2006). *Жан-Поль Сартр. Жизнь – Философия – Творчество*. Санкт Петербург: Издательство «Петрополис».
- Яхот, И. (1991). ПОДАВЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ В СССР (20—30-е годы). *Вопросы философии*, 9, 44–68. [Online]. <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/yakh91vf.htm> [11/04/2014].

6.2 Список экспертов

Авеличев Александр Константинович (20.05.2014): Директор издательства «Прогресс» с 1987-го по 1996-ый год.